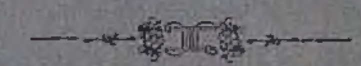
Ярославскіе владѣтельные князья.

(Статья Андрея Васильевича Экземплярскаго).

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.
1887.

Искренно уважаемому

Георгію Федоровичу

Штендману

отъ составителя,

благодарнаго стипендіата

Русскаго Историческаго Общества.

ЯРОСЛАВСКІЕ ВЛАДѢТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ.

(*Статья Андрея Васильевича Экземплярскаго*).

О времени основанія г. Ярославля, какъ и о личности его основателя, опредѣленныхъ и положительныхъ извѣстій до насъ не дошло. Въ лѣтописяхъ Ярославль въ первый разъ упоминается подъ 1071 годомъ (по случаю голода въ Ростовской области), когда изъ этого города вышло двое волхвовъ, которые, обходя селенія, указывали на лучшихъ женщинъ, какъ на виновницъ постигшаго Ростовскую область зла-голода.—Не по мановенію, однако, волшебнаго жезла вдругъ явился Ярославль, и если онъ подъ 1071 г. уже упоминается, то основаніе его, конечно, должно быть отнесено къ болѣе раннему времени. Всѣ наши крупные историки, а за ними и остальные думаютъ, что Ярославль основанъ Ярославомъ Владиміровичемъ Мудрымъ. Слѣдуя общепринятому мнѣнію о личности основателя города Ярославля, скажемъ, однако, что, если спеціально говорить объ основателѣ, то прежде нужно было бы рѣшить, хотя предположительно, еще слѣдующіе вопросы: по *имени основателя* названъ ли Ярославль, или по чему—нибудь другому? не названъ ли онъ *въ честь* (наприм., по случаю рожденія) какого бы то ни было Ярослава? наконецъ, не названъ ли онъ *въ память* Ярослава?

Несомнѣнно только одно, что имя Ярославля тѣсно связано съ именемъ Ярослава, и именно Владиміровича: если бы Ярославль основанъ былъ даже и не ранѣе 1071 г., то и въ такомъ случаѣ кромѣ Ярослава Владиміровича мы не нашли бы другаго Ярослава, по имени котораго могъ бы быть названъ этотъ городъ.

Принимая за несомнѣнное, что Ярославль *основанъ* Ярославомъ, многіе трудились надъ вопросомъ о времени его основанія. На этотъ счетъ существуютъ вообще два мнѣнія: по одному изъ нихъ Ярославль основанъ не тогда, когда Ярославъ былъ удѣльнымъ княземъ Ростовскимъ, такъ какъ ему, при назначеніи удѣла, было около 11 лѣтъ и онъ *вскорѣ* получилъ другой удѣлъ—Великій-Новгородъ, а основанъ Ярославомъ

уже въ то время, когда послѣдній былъ великимѣ княземъ и при томъ во время мира его съ братомъ Мстиславомъ, время, болѣе удобное для внутренняго устройства государства. По мнѣнію же другихъ, Ярославъ основалъ городъ своего имени, будучи удѣльнымъ княземъ Ростовскимъ. Это послѣднее принадлежитъ г. Рогозинникову и состоитъ собственно въ признаніи достовѣрности за древнимъ свидѣтельствомъ, приводимымъ у Татищева, по которому старшій братъ Ярослава, Вышеславъ Новгородскій, скончался въ 1010 году. Ярославъ, слѣдственно, могъ переѣхать въ Новгородъ не ранѣе помянутаго года. Такимъ образомъ Ярославъ пробылъ на Ростовскомъ удѣлѣ съ 11 до 32—лѣтняго возраста, и въ этотъ періодъ времени могъ поставить городъ, хотя бы для защиты отъ нападеній со стороны Мери и Черемисы (1). Пока нѣтъ основаній отвергать извѣстія Татищева, а потому за послѣднимъ мнѣніемъ надобно признать бòльшую степень близости его къ истинѣ, если ужъ принимать, что Ярославль несомнѣнно *основанъ* Ярославомъ.

Ярославль первоначально тѣсно примыкалъ къ болѣе древнему Ростову, и обязанъ обстройкой и многими зданіями, особенно же построеніемъ церквей, князю Ростовскому и нѣкоторое время великому князю Владимірскому, Константину Всеволодовичу, который и считается рòдоначальникомъ князей Ярославскихъ.

---

(1) П. С. Р. Л. V, 143; Никон. II, 166; *Карамзинъ* *) II, 54; протоіерея *Іоанна Троицкаго*: «Исторія губ. г. Ярославля» (Яр. 1853 г.; стр. 5 и слѣд.) «О времени основанія г. Ярославля», *И. Рогозинникова* (въ пам. кн. Яросл. губ. на 1862 г.); «Историческое изслѣдованіе о началѣ и основаніи г. Ярославля» (въ Яросл. губ. вѣд. 1842 г., № 10); «О мѣстоположеніи, древнемъ укрѣпленіи и распространеніи г. Ярославля» *С. С* (ibid. 1844 г. № 24); есть нѣчто въ статьѣ *С. Серебреникова*: «Замѣчательныя мѣста и историческія событія въ Ярославской губерніи» (Яросл. губ. вѣд. 1835 г. въ разныхъ №№-хъ); для нѣкоторыхъ подробностей о первоначальной обстройкѣ Ярославля см. статью того же автора: «Указаніе мѣста, гдѣ былъ дворецъ владѣтельныхъ князей въ Ярославлѣ» (ibid. 1842 г. № 11), и брошюру *В. Лѣствицына:* «Церковь Петра и Павла въ Ярославлѣ». Есть нѣкоторыя подробности, относящіяся къ тому же предмету въ брошюрѣ того же автора: „Отъ Ярославля до Москвы...» Ярославль, 1869 г. (Было раньше печатано въ Яросл. Епарх. вѣдом. 1867 г.).

(*) (Карамзинъ будетъ цитировано изданіемъ Эйнерлинга).

У Константина Всеволодовича, отъ брака его съ дочерью великаго князя Кіевскаго, Мстислава Романовича, извѣстной намъ по иноческому ея имени (Агаѳія), было три сына Василько—кн. Ростовскій, Всеволодъ—Ярославскій и Владиміръ—Углицкій.

Рядъ владѣтельныхъ Ярославскихъ князей начинается съ средняго Константинова сына Всеволода.

I. Собственно Ярославскіе владѣтельные князья.

Всеволодъ Константиновичъ.

р. 1210—1238 г.г.

Всеволодъ Константиновичъ, нареченный при крещеніи Іоанномъ (первое имя—княжеское), родился 18 іюня 1210 г. въ Ростовѣ. Здѣсь же, 23 мая 1212 г., совершены были надъ нимъ и старшимъ братомъ его, Василькомъ, постриги—извѣстный старинный обрядъ. «И бысть радость велика въ градѣ Ростовѣ», замѣчаетъ по этому случаю лѣтописецъ (1).

Обрядъ постригъ совершался надъ княжичами еще въ младенческомъ ихъ возрастѣ и знаменовалъ, скажемъ словами нашего Карамзина исторіографа, вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ (2). Дѣйствительно, въ старину дѣти не только обыкновенныхъ гражданъ, но и княжескія рано выступали на путь практической, дѣятельной жизни. Если они и не были въ раннемъ возрастѣ самостоятельными дѣятелями, то часто бывали свидѣтелями извѣстныхъ событій, въ которыхъ принимали иногда и участіе, подъ присмотромъ другихъ, съ цѣлію ознакомленія съ практической стороной жизни. Такъ было и съ Всеволодомъ Константиновичемъ.

Въ 1215 г. у Ярослава Всеволодовича вышелъ раздоръ съ Новгородцами, и онъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ, откуда хотѣлъ мстить Новгородцамъ за причиненую ему обиду. На защиту послѣднихъ явился Мстиславъ Удалой, а на помощь Ярославу пришелъ братъ его Юрій и полки другаго

---

(1) П. С. Р. Л. I, 184—185; VII, 117. Кар. III, пр. 179; Карамзинъ, конечно, по ошибкѣ считаетъ, что въ годъ смерти Константина (†1219) Всеволоду было 10 лѣтъ, а Васильку 9. Наоборотъ: первому—9, а второму—10.

(2) Кар. III, 83.

брата, Константина. При этихъ послѣднихъ полкахъ находился сынъ Константина Всеволодъ, пятилѣтній ребенокъ (1).

Въ началѣ зимы 1218 г., не задолго до своей смерти, Константинъ Всеволодовичъ, тогда великій князь Владимірскій, назначилъ двумъ старшимъ сыновьямъ, Васильку и Всеволоду, удѣлы: первому—Ростовъ, а второму—Ярославль. «Возлюбленѣи мои чадѣ», говорилъ въ напутствіе своимъ дѣтямъ Константинъ: «будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди Его во всемъ сблюдающа, и моя нравы вся вспріимѣте, яже мя видѣста творяща: нищихъ и вдовицъ не презрита, церкви не отлучайтася, іерейскый и мнишьскый чинъ любита, и книжнаго поученья слушайта, и будита въ любви межи собою, и Богъ мира буди съ вами; имѣйта послушанье къ старѣйшимъ ваю, иже васъ на добро учать, понеже еще еста въ младеньствѣ; азъ бо вѣмъ, сына моя, яко отшествіе мое близь приближается отъ свѣта сего, и се поручаю васъ Богу и пречистѣй Его Матери и брату и господину Гюргю, да то вы будеть въ мене мѣсто» (2). Такимъ образомъ Всеволодъ Константиновичъ получилъ въ удѣлъ Ярославль и, какъ покажетъ дальнѣйшая исторія Ярославскаго княжества, земли по р. Мологѣ и впадающей въ нее р. Сити (3).

---

(1) П. С. Р. Л. VII, 120. Здѣсь же отмѣтимъ, что Всеволодъ упоминается въ числѣ присутствовавшихъ, въ 1218 г., при освященіи церкви Бориса и Глѣба въ Ростовѣ. П. С. Р. Л. I, 187.

(2) Ibid. I. 187; VII, 125; Ник. II, 338.

(3) Ibid. Троицкій въ своей «Исторіи губернскаго г. Ярославля», стр. 9 говоритъ, что Константинъ получилъ вмѣстѣ съ Ростовомъ еще слѣдующіе города: Ярославль, Угличъ, Бѣлозерскъ, Кострому и Галичъ, и ссылается на Карамзина, у котораго, какъ и въ лѣтописяхъ, эти пять городовъ не поименованы. Очевидно, достопочтенный о. Троицкій свой домыслъ выдаетъ за несомнѣнный фактъ, какъ это часто у него дѣлается. Какіе же это были города? Въ Тверской лѣт. (П. С. Р. Л. XV, 212), подъ 1149 г., гдѣ говорится о войнѣ Изяслава съ дядей его, Юріемъ Долгорукимъ, отъ Ксьнятина, внизъ по Волгѣ отъ устья Медвѣдицы, гдѣ теперь Калязинъ, до Ярославля насчитывается 6 городовъ, принадлежавшихъ Юрію и взятыхъ Изяславомъ. Поименно въ лѣтописи названы только Ксенятинъ (Снятинъ, Скнятинъ), Угличъ, Молога и Ярославль. Остается еще два неизвѣстныхъ. Присоединимъ сюда еще Бѣлоозеро, постоянно бывшее въ роду Константина. Очевидно, изъ этихъ и дано было Константину пять городовъ, а Кострома и Галичъ были великокняжескими городами. (См. «Очеркъ исторіи Костромы....» *И Миловидова,* стр. 35—36. Этотъ очеркъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ нынѣшнемъ 1886 году).

Надобно думать, что уже при этомъ, первомъ своемъ князѣ, Ярославль былъ обширнымъ городомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ извѣстія Никоновской лѣтописи о пожарѣ 1221 года, истребившемъ почти весь городъ, при чемъ однихъ церквей сгорѣло 17 (1). Конечно, нужно было позаботиться о возобновленіи города, которое, несомнѣнно, началось при томъ же князѣ, по крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что въ 1224 г. Всеволодъ Константиновичъ достроилъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ церковь, заложенную еще отцомъ его (2).

Братья Константиновичи свято исполняли завѣтъ отца по отношенію къ дядѣ своему Юрію Всеволодовичу: они, за исключеніемъ временнаго союза съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, направленнаго противъ Юрія, постоянно находились на сторонѣ старшаго дяди и дѣлили съ нимъ труды боевой жизни. Такъ, подъ 1224 г. мы находимъ извѣстіе въ одной лѣтописи о томъ, что в. кн. Юрій Всеволодовичъ посылалъ брата своего Владиміра и племянника Всеволода Константиновича, съ полками, но куда—въ лѣтописи не досказано (3).

Чрезъ два года послѣ того,—въ 1226 г. мы опять видимъ Всеволода въ походѣ дяди его къ Чернигову. Въ помянутомъ году Юрій Всеволодовичъ, вмѣстѣ съ двумя старшими племянниками—Константиновичами ходилъ на помощъ кн. Черниговскому Михаилу Всеволодовичу, въ борьбѣ его съ Олегомъ, кн. Курскимъ. До кровопролитія, впрочемъ, дѣло не дошло, такъ какъ присланный Кіевскимъ княземъ, Владиміромъ Рюриковичемъ, митрополитъ Кириллъ успѣлъ примирить враждовавшихъ князей, и сѣверные князья, оставивъ Михаила спокойно княжить въ Черниговѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ ушли въ Суздальскую землю (4). Всеволодъ, не много спустя послѣ этого похода, успѣлъ даже породниться съ Курскимъ княземъ. Въ 1227 году Юрій Всеволодовичъ послалъ его на княженіе въ Южный Переяславль, куда Всеволодъ прибылъ въ томъ же году 15 сентября, а въ слѣдующемъ 1228 г.

---

(1) Никон. II, 346; „Замѣчательные пожары въ Ярославлѣ". *С. С.* (въ Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 47).

(2) П. С. Р. Л. I, 190; VII, 133; Ник. II, 358.

(3) Ibid. I, 190. Въ подлинникѣ оставленъ пробѣлъ.

(4) П. С. Р. Л. I, 190; VII, 133.

онъ женился на дочери Олега Маринѣ (1). Но Всеволодъ Константиновичъ не долго жилъ на югѣ: въ 1228 г. мы опять видимъ его на сѣверѣ. Кромѣ того есть извѣстіе, что въ 1229 (по другимъ—въ томъ же 1228 году) Юрій Всеволодовичъ послалъ въ Кіевскій Переяславль брата своего, Святослава. Вѣроятно, Всеволоду неудобно было управлять столь отдаленными одинъ отъ другаго городами, какъ Ярославль и Кіевскій Переяславль (2)

Въ 1228 году, въ половинѣ января, Юрій Всеволодовичъ ходилъ на мордву «въ Пургасову волость». Въ походѣ, на ряду съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, братомъ Юрія, и Юріемъ Давидовичемъ Муромскимъ, принимали участіе и братья Константиновичи—Василько Ростовскій и Всеволодъ Ярославскій. Князья пожгли и потравили жито, били скотъ,—мордва разбѣжалась по лѣсамъ и трущобамъ. «Молодіи» Ярослава Всеволодовича и Константиновичей, замѣтивши это, на слѣдующій день тайно отъ предводителей углубились въ лѣсъ; мордва давала имъ путь, а тѣ обошли ее вокругъ, многихъ изъ скрывавшихся избили, многихъ взяли живыми; нѣкоторые изъ мордвы, успѣли бѣжать въ укрѣпленныя мѣста («въ тверди»), но и тамъ были избиты, такъ что князьямъ некого было воевать. Одинъ болгарскій князь пришелъ въ это время на Пурему, Юріева присяжника (ратника), но узнавъ, что Юрій съ братьями жжетъ мордовскія селенія, ночью бѣжалъ. Князья русскіе, по выраженію лѣтописи, «возвратишася—изъ этого похода—всвояси добри здорови» (3).

---

(1) Ibid I, 191; VII, 134; Ник. II, 346, 357,—III, 68 (подъ 1279 г. по случаю ея кончины). *М. Д. Хмыровъ* («Алфавитно—справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ» № 581,—впредь будемъ цитировать только имя Хмырова и № его «Перечня») неизвѣстно на какомъ основаніи называетъ жену Всеволода Константиновича Ольгой, а имя Марины считаетъ иноческимъ ея именемъ.

(2) Ibid. VII, 134; Кар. III, пр. 325.

(3) Ibid I, 191; VII, 134; Ник. II, 358. Мы совершенно наоборотъ поняли приводимое мѣсто изъ послѣдней (Воскресенской) лѣтописи. Карамзинъ (III, 165, пр. 350), а вслѣдъ за нимъ и другіе говорятъ, что воины Ярослава и Константиновичей неосторожно и при томъ тайно отъ предводителей углубилися въ лѣса и были избиты мордвой. Приводимъ это мѣсто лѣтописи: «Мордва (послѣ того, какъ увидѣла, что борьба совершенно не подъ силу) вбѣгоша въ лѣсы своя, *въ тверди* (здѣсь и далѣе курсивъ нашъ), а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодіи, въ 4 день генваря. То вѣдѣвше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а мордва

Въ 1229 и между братьями, Ярославомъ и Юріемъ Всеволодовичами, обнаружилась вражда. Лѣтописи дѣлаютъ только неясные для насъ намеки на причину этой вражды: «Ярославъ Всеволодичъ, слушая нѣкыхъ льсти.... мысляшетъ противитися Юрью брату своему». Онъ успѣлъ возстановить противъ послѣдняго и всѣхъ троихъ племянниковъ Константиновичей. Но «благоразумный князь Юрги» призвалъ ихъ на совѣщанія по этому дѣлу («на снемъ», на сеймъ) въ Суздаль и благоразумными рѣчами склонилъ брата и племянниковъ къ примиренію: эти послѣдніе «поклонишася Юрью вси, имуще его отцемъ собѣ и господиномъ». Сентября 7-го князья цѣловали крестъ, а слѣдующій день (Рождество Богородицы) праздновали и веселились у епископа Митрофана и, богато одаренные, разъѣхались по своимъ отчинамъ (2).

По своимъ отношеніямъ къ Новгороду, Ярославъ Всеволодовичъ находился въ это время во враждѣ съ Михаиломъ Всеволодовичемъ, кн. Черниговскимъ. Въ самомъ Новгородѣ происходила вражда между посадникомъ Водовикомъ и сыномъ

давше имъ путь, а *сами* лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша ѝ, а иныхъ изымаша; бѣжаша *въ тверди*, тѣхъ тамо избиша, и *княземъ нашимъ не бысть кого воевати....*, а Юрги съ братьею и *со всьми полкы* взвратишася всвояси *добри здорови*». Намъ кажется, что подъ словомъ *сами* здѣсь разумѣются русскіе воины; «бѣжаша *въ тверди*—та мордва, которая скрывалась въ лѣсныхъ трущобахъ, (выше сказано, что одни бѣжали въ глубь лѣса, другіе—*въ тверди*, и первыхъ, конечно, скорѣе могли отыскать русскіе воины; при томъ надобно замѣтить, *тверди* еще прежде заняты были мордвой); когда нельзя было болѣе скрываться отъ русскихъ въ лѣсныхъ трущобахъ, и другая мордва также бѣжала въ тверди,—но ее побили и тамъ. Лѣтописцу естественно было, поэтому, заключить этотъ разсказъ словами: «и княземъ нашимъ не бысть кого воевати». Если бы эта послѣдняя фраза означала, что у нашихъ князей не было воиновъ, чтобы продолжать войну, то болгарскій князь, пришедшій на Пурему, не бѣжалъ бы, и лѣтописецъ не сказалъ бы, что «полкы взратишася всвояси добри здорови», а если бы и сказалъ, то, вѣроятно, съ оговоркой относительно воиновъ Ярослава и Константиновичей.

(2) Ibid. I, 192—193; VII, 135—136. Замѣтимъ здѣсь же, что бы не пестрить текста мало подходящими къ нашей цѣли фактами, что въ слѣдующемъ, 1230 году, всѣ Константиновичи, въ томъ числѣ и Всеволодъ, обращались къ в. кн. Юрію и епископу Митрофану съ просьбой о назначеніи въ Ростовъ епископомъ Кирилла, игумена Владимірскаго Рождественскаго монастыря, каковая просьба ихъ и была удовлетворена.

извѣстнаго посадника Твердислава. Къ этимъ усобицамъ присоединились голодъ и моръ. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ Новгородъ Черниговскаго князя, но Михаилъ медлилъ потому, что хотѣлъ прежде примириться съ Ярославомъ, собиравшимся на него войною. Въ 1230 году къ великому князю Юрію, къ брату его Ярославу и племянникамъ ихъ, Константиновичамъ, приходили: отъ Кіевскаго князя Владиміра Рюриковича—митрополитъ Кириллъ, и отъ Михаила Черниговскаго—епископъ Порфирій, «прося мира Михаилу съ Ярославомъ». Посольство это достигло своей цѣли и враждующіе князья примирились. Но Черниговскій князь явно нарушалъ миръ, котораго самъ же такъ сильно добивался: онъ принималъ къ себѣ Новгородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярослава. Самъ великій князь, возмущенный такимъ поведеніемъ Михаила, выступилъ противъ него съ войскомъ. Съ дороги, впрочемъ, Юрій воротился, но Ярославъ и Константиновичи выжгли Серенскъ, осаждали Мосальскъ и причинили много зла жителямъ. (1).

Прошло съ этихъ поръ 7 лѣтъ спокойно для Всеволода: по крайней мѣрѣ, лѣтописи за этотъ періодъ времени ничего не говорятъ ни о Ярославлѣ, ни о Ярославскомъ князѣ. Но въ 1237 г. появляются вновь тѣ невѣдомые пришельцы, которые 13 лѣтъ тому назадъ жестоко побили русскихъ на р. Калкѣ, и о которыхъ почти забыто было на Руси. Это были татары... Разгромивъ Рязань, они, опустошая все по пути, подступили ко Владиміру, который взятъ былъ ими 7 февраля. Великій князь, еще до прихода ихъ, удалился въ Ярославскую область и, вмѣстѣ съ тремя племянниками—Константиновичами, ожидалъ другихъ князей, намѣреваясь дать здѣсь отпоръ татарамъ. Какъ извѣстно, битва эта, происшедшая 4 марта 1238 года, была несчастна какъ для участвовавшихъ въ ней князей, такъ и для всей Руси вообще: великій князь палъ въ этой битвѣ; Василько Ростовскій былъ взятъ въ плѣнъ, убитъ и брошенъ въ Шеренскомъ лѣсу. Въ этой же битвѣ палъ славною смертью

---

(1) П. С. Р. Л. I, 194; VII, 137. Кармз. III, 158. Серенскъ на р. Серенѣ—нынѣ село Калужской губ. Въ слѣдующемъ 1231 году Всеволодъ, вмѣстѣ съ другими братьями своими, присутствовалъ при освященіи соборной церкви въ Ростовѣ. П. С. Р. Л. I, 196.

и первый удѣльный князь Ярославскій, Всеволодъ Константиновичъ (1).

Всеволодъ Константиновичъ, какъ замѣчено уже выше, былъ женатъ, съ 1228 г., на Маріи (2), дочери Олега Святославича кн. Курскаго, отъ брака съ которой имѣлъ двухъ сыновей: Василія и Константина.

Василій Всеволодовичъ.

р. 1229 + 1249 г.

О времени рожденія Василія Всеволодовича въ лѣтописяхъ не сохранилось извѣстій. Впрочемъ, принимая въ соображеніе, что отецъ его женился въ 1228 г., а самъ Василій умеръ въ 1249 году, оставивъ дочь, можно приблизительно сказать, что онъ родился не позднѣе 1229 г. и въ бракъ вступилъ не ранѣе 1245 года (3).

---

(1) Ibid. 196, 198, 222, 224; IV, 32; V, 173—174; VII, 139—140; Ник. II, 371—378,—III, 4; Твер. (т. XV) 368, 370; Продолженіе Нестора 22—23. По однимъ лѣтописямъ татары пришли въ 1237 г., а битва на Сити произошла въ 1238 г.; по другимъ—и то и другое было въ 1238 году. Такъ какъ извѣстно, что битва *была 4 марта*, то само собою разумѣется, что *извѣстія первыхъ лѣтописей болѣе точны и опредѣленны*.—Прямыхъ указаній въ лѣтописяхъ на то, что Всеволодъ палъ въ этой битвѣ, нѣтъ. Но такъ какъ послѣ 1238 года онъ вообще не упоминается болѣе въ лѣтописяхъ и не находится въ лѣтописномъ перечнѣ князей, спасшихся отъ татарскаго меча, то и принято считать за несомнѣнное, что онъ палъ въ битвѣ на Сити. О самомъ мѣстѣ Ситскаго побоища см. статью *В. Лѣствицына*: „Мѣсто побоища на Сити" (въ Яр. Губ. Вѣд. 1868 г. № 41), гдѣ указаны статьи и др. лицъ, касательно того же предмета, какъ-то: Иванина, Погодина, свящ. Преображенскаго и Троицкаго и 2) замѣтку *А. Гацискаго* «Современное положеніе вопроса о мѣстѣ битвы на берегахъ р. Сити (въ Ниж. Губ. Вѣд. 1886 г. № 10), въ которой указаны изслѣдованія по этому вопросу, появившіяся въ новѣйшее время (Н. П. Сабанѣева и Л. К. Ивановскаго).

(2) См. прим. 10, (№ 5). Она скончалась въ 1279 г. и похоронена въ Ярославлѣ. Ник. III, 68. Кар. IV, пр. 182, гдѣ говорится, что она скончалась въ 1279 или 1280 г. марта 1.

(3) *М. Д. Хмыровъ* (№ 444) неизвѣстно на какомъ основаніи, 1229 годъ положительно принимаетъ за годъ рожденія Василія.

Въ первый разъ Василій Всеволодовичъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1238 годомъ при перечисленіи князей, оставшихся въ живыхъ послѣ Батыева погрома (1).

Въ 1239 г., въ числѣ другихъ князей, Василій Всеволодовичъ ходилъ въ орду «про свою отчину», какъ выражается лѣтопись, т. е. для своего утвержденія волею хана на Ярославскомъ княженіи (2). Батый милостиво принялъ князей, за каждымъ изъ нихъ утвердилъ ихъ «отчины» и отпустилъ ихъ, какъ говорятъ лѣтописи, «съ честію» (3). Послѣ того Василій Всеволодовичъ еще два раза ходилъ въ орду: въ 1244 г. съ Владиміромъ Константиновичемъ Углицкимъ, такъ же, какъ и въ 1239 г., «про свою отчину», и въ слѣдующемъ 1245 году съ великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, неизвѣстно по какому случаю (4).

Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ только годъ и неопредѣленно день кончины Василія Всеволодовича во Владимірѣ, а именно--зиму 1249 года «на память св. Θеодора». Великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи (Ростовскій и Бѣлозерскій князья) и мать ихъ, княгиня Марія, провожали тѣло своего родича, которое погребено было 8 февраля епископомъ Кирилломъ въ Ярославлѣ, въ Успенской Златоверховой церкви (5).

---

(1) П. С. Р. Л. I, 200, 225; IV, 33; V, 174; VII, 143, въ I, 200 подъ 6747 годомъ; Ник. III, 4.

(2) См. прим. ниже 8.

(3) П. С. Р. Л. I, 201, 226; VII, 152.

(4) Ibid.; Ник. III, 18—19. «Хронологическій очеркъ истор. событій въ г. Ярославлѣ» *С. С.* (въ Яр. Губ. Вѣд. 1843 г. № 5). Составитель очерка, умалчивая о поѣздкѣ Василія въ орду въ 1239 г., говоритъ, что Василій Всеволодовичъ объявленъ Ярославскимъ владѣтельнымъ княземъ въ 1243 г. То же почти встрѣчаемъ и у прот. *Троицкаг* («Исторія губ. города Ярославля», стр. 14). Съ своей стороны замѣтимъ, что это было только подтвержденіе, а не утвержденіе владѣтельныхъ правъ.

(5) Ibid. I, 202, 226; IV, 38 (гдѣ названъ Василій *Ярославичемъ*, разумѣется, вм. *Ярославскій*); VII, 159; XV (Твер.), 396, 400; Ник. III, 32; Степ. кн. I, 392. Въ Тверской лѣт. подъ 6758 годомъ сказано, что Василій умеръ 8 февраля, а подъ 6757 годомъ, стр. 400, Василій названъ *Ярославскимъ*, чѣмъ и объясняется ошибка 4-й Новгородской лѣтописи. Изъ сопоставленія указанныхъ лѣтописныхъ мѣстъ слѣдуетъ заключить, что Василій умеръ въ январѣ, и, можетъ быть, 26-го, въ день перенесенія мощей Θеодора Студита, и похороненъ въ февралѣ, но не позже.

По родословнымъ мы знаемъ, что Василій Всеволодовичъ женатъ былъ на Ксеніи, о происхожденіи которой не сохранилось извѣстій. Отъ брака съ нею онъ имѣлъ сына Василія и дочь Марію. О послѣдней мы скоро будемъ говорить. Что же касается до кн. Василія, то теперь же замѣтимъ, что онъ

Въ «Хронологическомъ очеркѣ С. С.» говорится, что Василій Всеволодовичъ по *однимъ* лѣтописямъ умеръ 8 февраля 1249 г., по *другимъ*—тогда же и притомъ во Владимірѣ, а наконецъ по *третьимъ*—онъ вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ убитъ въ 1257 г. (или въ 1255 г.—по другимъ варіантамъ) татарами при одномъ изъ частныхъ нападеній ихъ на Ярославль. Почти во всѣхъ историческихъ статьяхъ какъ Ярославскихъ, такъ и другихъ. Губернскихъ Вѣдомостей мы не видимъ указаній на тѣ лѣтописи, на которыхъ основываются авторы помянутыхъ статей. Только по нѣкоторымъ изъ этихъ статей мы узнаемъ, что у мѣстныхъ любителей исторической старины, въ ихъ библіотекахъ, есть *мѣстныя рукописныя лѣтописи* и историческіе сборники. На эти-то лѣтописи или сказанія часто и ссылаются авторы историческихъ статей, не оговаривая того, или оговаривая въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Напримѣръ, въ статьѣ *С. С.* «О избавленіи Ростова отъ разграбленія татарскаго хана Ахмыла» (въ Яросл. Губ. Вѣд. 1843 г. № 34) есть прямое указаніе на имѣющійся у автора мѣстный рукописный сборникъ; въ статьѣ: «Объ Угличскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ» *Ив. Серебряникова* (іЬ. 1848 г., № 49) есть указаніе на имѣющуюся у автора рукописную библіотеку въ статьѣ свящ. *М. Сахтина:* «Чудская Спасская слобода въ старину и пр.». (IЬ. 1885 г., № 55 есть также указаніе на *Ростовскую лѣтопись*, принадлежавшую въ 40-хъ годахъ Ростовскому купцу П В. Хлѣбникову и потомъ сгорѣвшую. Выписки изъ этой лѣтописи сохранились у мѣстнаго Ростовскаго любителя исторической старины, А. Артынова; ими пользовался и о. Сахтинъ. Намъ сдается, что нѣкоторые факты, находящіеся въ историческихъ статьяхъ Ярославскихъ Губ. Вѣдомостей и не находимые нами въ печатныхъ лѣтописяхъ, заимствованы именно изъ мѣстныхъ рукописныхъ историческихъ источниковъ. Остается только пожалѣть, что въ мѣстной литературѣ до сихъ поръ мало замѣтны попытки къ описанію и оцѣнкѣ указаннаго выше матеріала.—По какому случаю въ 1249 г. былъ во Владимірѣ Василій Всеволодовичъ? Не ѣздилъ ли онъ посовѣтоваться съ великимъ княземъ и вообще съ родственниками о судьбѣ Ярославскаго княжества въ случаѣ, если онъ, Василій умретъ, не оставивъ дѣтей мужескаго пола? Присутствіе въ то же время во Владимірѣ князей Ростовскаго и Бѣлозерскаго указываетъ, какъ будто, на какой-то семейный родственный совѣтъ. Впрочемъ, это только наше личное предположеніе. Ср. прим. ниже и текстъ къ нему.

упоминается только въ Никоновой лѣтописи подъ годомъ смерти его отца (1). Больше мы ничего не знаемъ о немъ; его не знаютъ даже родословныя—по крайней мѣрѣ—намъ извѣстныя. Надобно полагать, поэтому, что, если и вѣрно извѣстіе Никоновой лѣтописи, то Василій умеръ въ младенчествѣ.

Константинъ Всеволодовичъ

р. 1238 + 1255 (1257) г.

Константинъ Всеволодовичъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ. Объ его существованіи извѣстно только по мѣстному преданію, по которому онъ былъ младшимъ сыномъ Всеволода, и по житію и сказаніямъ объ обрѣтеніи мощей святыхъ благовѣрныхъ князей Ярославскихъ, Василія и Константина Всеволодовичей.

Если не принимать нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сказаній, сильно подверженныхъ, однако, сомнѣнію, по которымъ оба брата Всеволодовичи были убиты татарами, въ битвѣ съ ними въ 1255 или 1257 году(?), то слѣдуетъ полагать, что Константинъ Всеволодовичъ занялъ Ярославскій столъ въ 1249 году, т. е. по смерти старшаго брата. По преданію, Константинъ Всеволодовичъ добиваясь независимости отъ татаръ, былъ ими убитъ въ битвѣ на Туговойгорѣ (за р. Которостью, гдѣ теперь кладбище) въ 1255 или 1257 г. и погребенъ въ Успенскомъ же соборѣ подлѣ старшаго своего брата (2).

---

(1) Ник. III, 32. До насъ дошли извѣстія (изъ вторыхъ или третьихъ рукъ), что въ бывшемъ Петропавловскомъ мужскомъ монастырѣ въ Ярославлѣ погребена тетка Михаила Ѳеодоровича, Анастасія («Историко-стат. очеркъ Рост. Яр. епархіи» *А. Крылова*, стр. 38). Но неизвѣстно была ли она дочь Василія Всеволодовича, или сестра жены послѣдняго, Ксеніи. *Г. Ильинцовъ* («Описаніе построенія г. Ярославля...» въ Отечественныхъ Запискахъ 1827 г. №№ 84—85), перечисляя членовъ княжеской фамиліи, погребенныхъ подъ церковію Петропавловскою (1) Михаилъ, 2) мать его, кн. Марія, 3) бабка его, Ксенія, и 4) тетка его, Анастасія), ссылается на какую-то выписку изъ Московской патріаршей библіотеки.—

(2) Василій и Константинъ Всеволодовичи причтены прав. церковію къ лику святыхъ. Мощи ихъ до 1744 г. открыто почивали въ соборной церкви Успенія Пр. Богородицы, въ предѣ-

Θеодоръ Ростиславовичъ Черный.

р. 1240 + 1299 г.

Былъ или не былъ на Ярославскомъ столѣ св. Константинъ Всеволодовичъ, утверждать, конечно, трудно (3). Положительно же извѣстно только, что, по прекращеніи мужскаго поколѣнія въ родѣ Всеволода Константиновича, Ярославское княжество осталось за внучкой его Маріей Васильевной.

Такъ какъ Ярославль вмѣстѣ съ Угличемъ и Бѣлоозеромъ выдѣлился въ особое княжество изъ прежде единаго Ростовскаго, то Ростовскій князь, по существовавшему тогда, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, обычаю, могъ бы оставить Ярославль въ пожизненное только владѣніе вдовѣ Василія Всеволодовича, а по смерти послѣдней, пристроивъ дочь ея, т. е. выдавъ ее замужъ, присоединить Ярославль опять къ Ростову. Но этого не случилось, и Ярославль перешелъ во владѣніе Маріи, внуки Всеволода. Чѣмъ же объясняется это обстоятельство? Мы видѣли, что во Владимірѣ въ 1249 г., когда тамъ

лѣ во имя этихъ свв. князей. Въ 1744 г, во время бывшаго большаго пожара въ соборѣ, сильно пострадали св. мощи, отъ коихъ сохранились только части, и нынѣ хранящіяся въ соборѣ въ особо устроенной ракѣ Память этихъ князей совершается 3 іюля. См. Геогр. слов. *Щекатова* VII, 587; «Истор. описаніе церквей» М. 1828, стр. 161; статью *С С.*: Краткій ист. очеркъ каѳ. собора Успенія Пр. Богородицы въ г. Ярославлѣ» въ Яросл. Губ. Вѣд. 1843 г., № 45, въ которой авторъ ссылается на рукописное сказаніе объ обрѣтеніи мощей свв. князей Троицкій, въ своей «Исторіи губ. города Ярославля ссылается на какую-то рукопись Ярославскаго каѳедр. собора. Есть еще очень плохо составленное (между 1526 и 1533 годами инокомъ Пахоміемъ житіе этихъ князей, помѣщенное въ Яросл Епарх. Вѣд. 1874 г., № 40. Объ истребленіи мощей пожаромъ см. статью *В. Лѣствицына*: «Ярославскій соборъ при митрополитѣ Арсеніи» Яросл. Епарх. Вѣд 1874 1876 гг.); въ этихъ же Вѣдомостяхъ 1881 г. напечатана грамота царя Алексѣя Михайловича, которою дозволяется временно поставить мощи этихъ свв. князей въ Казанскомъ Ярославскомъ монастырѣ.—См. также ст. *Е. Т—ва* (Трехлѣтова): «О Туговой горѣ въ Ярославской губ.» Яросл Губ. Вѣд. 1848 г., № 49.

(3) Въ Никон. лѣт. III, 62 даже прямо говорятся, что по преставленіи Василія Всеволодовича «седя.... на Ярославле княгиня его з дочерью его».

былъ кн. Василій Всеволодовичъ, были также и двоюродные братья послѣдняго, князья Ростовскій и Бѣлозерскій, Борисъ и Глѣбъ Васильковичи. Не былъ ли поэтому Василій Всеволодовичъ у св. Александра Невскаго и брата его Андрея—тогда великаго князя—именно для обсужденія вопроса о судьбѣ Ярославскаго княженія въ случаѣ неоставленія имъ Василіемъ мужскаго потомства? Не были ли тогда во Владимірѣ съ тою же цѣлью и Васильковичи, какъ близко заинтересованные въ этомъ дѣлѣ. Конечно, это только предположеніе,—по тѣмъ не менѣе оно представляется, по нашему мнѣнію, единственнымъ близкимъ къ истинѣ (1).

Марія Васильевна, какъ это можно заключить изъ приблизительно выводимаго года, въ который отецъ ея могъ вступить въ бракъ, имѣла отъ роду въ 1249 году, въ которомъ умеръ Василій Всеволодовичъ, около трехъ лѣтъ. Дѣлами княжества, слѣдовательно, управляла ея мать и бояре (2). Это продолжалось до ея замужества, послѣ котораго управленіе княжествомъ перешло въ руки ея супруга князя Ѳеодора Ростиславича, къ обзору жизни и дѣятельности котораго мы и перейдемъ теперь.

Ѳеодоръ Ростиславовичъ, внукъ Мстислава Давидовича, былъ третьимъ сыномъ (изъ четверыхъ) Ростислава, кн. Смоленскаго. О времени его рожденія свѣдѣній до насъ не дошло, но по соображеніямъ о приблизительномъ времени вступленія его въ бракъ, можно сказать, что родился онъ не позднѣе 1240 года.

Старшіе братья кн. Ѳеодора, Глѣбъ и Михаилъ, «изобидеша его», какъ выражается лѣтопись: они дали ему одинъ только Можайскъ; когда именно это было, лѣтописныхъ извѣстій, впрочемъ, не осталось (3). Не дошло до насъ извѣстій и о времени вступленія Ѳеодора Ростиславича въ бракъ, кото-

---

(1) Ник. III, 62 говоритъ, подъ 1277 г., между прочимъ, о томъ, что Ѳеодоръ Ростиславичъ, намѣреваясь посгататься къ Маріи Васильевнѣ, ссылался по этому предмету съ двоюродными дядями послѣдней, Ростовскимъ и Бѣлозерскимъ князьями. Это обстоятельство подтверждаетъ, кажется, наше предположеніе о возможности, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, перехода Ярославля къ Ростовскому князю и о причинѣ поѣздки Василія Всеволодовича во Владиміръ въ 1249 году.

(2) Ibid. и Степ. кн. I, 393.

(3) П. С. Р. Л. VII, 173; Ник. III, 62.

рый состоялся послѣ сношеній его по этому предмету съ двоюродными дядьями Маріи Васильевны, Борисомъ и Глѣбомъ Васильковичами. Впрочемъ, приблизительно можно указать на это время. Если принять въ расчетъ то обстоятельство, что отецъ Василія женился въ 1228 году и что, слѣдовательно, Василій Всеволодовичъ могъ родиться ни какъ не ранѣе этого года, то и жениться онъ едва ли могъ раньше 1245—6 года, а такъ какъ Василій Всеволодовичъ умеръ въ 1249 году, то и дочь его Марія могла родиться только въ промежутокъ между помянутыми годами, т. е. 1245—6 и 1249—50. Если бы Марія родилась даже въ первый годъ брака, т. е. въ 1245 или 1246 г., то и въ такомъ случаѣ она едва ли могла бы вступить въ супружество раньше 1260 или 1261 года. Правда, въ старину вступали въ бракъ весьма рано,—но въ данномъ случаѣ надобно имѣть въ виду то обстоятельство, что Θеодоръ Ростиславичъ въ 1278 г. выдалъ замужъ *уже вторую* свою дочь отъ перваго брака (1).

И такъ, приблизительно можно полагать, что Θеодоръ Ростиславичъ женился, а слѣдовательно и сдѣлался Ярославскимъ княземъ ни какъ не ранѣе 1260 или 1261 года. Если принять этотъ годъ за годъ начала княженія Θеодора Ростиславича, то въ такомъ случаѣ уже при Θеодорѣ Ростиславичѣ послѣдовало въ 1262 г. изгнаніе бесерменскихъ откупщиковъ (дани) изъ Ярославля, имѣвшее мѣсто въ то же время и въ другихъ городахъ Суздальской земли, и былъ убитъ въ томъ же году въ Ярославлѣ гражданами этого города нѣкто Зосима, изъ иноковъ сдѣлавшійся магометаниномъ и, какъ это большею частію бываетъ съ ренегатами, ярымъ хулителемъ и преслѣдователемъ всего христіанскаго (2).

---

(1) См. прим. ниже.—Въ «Путеводителѣ по г. Ярославлю» *А. А. Титова* (М. 1883) помѣщена «Родословная книга кн. Ярославскихъ» (по списку А. Я. Артынова, изъ книгъ архіепископа Арсенія), въ дополненіяхъ къ которой Θ. А. Бычковъ, вѣроятно, по ошибкѣ, говоритъ, что Марія Васильевна была въ супружествѣ за Θеодоромъ Ростиславичемъ съ 1278 года. Какъ сказано въ текстѣ, Θеодоръ Рост. въ этомъ году выдалъ замужъ уже вторую дочь свою отъ перваго брака(?.

(2) П. С. Р. Л. I, 204, 226; IV, 39; V, 190; VII, 163; Ник. III 41; Твер. 402 *I. Троицкій* («Исторія губ. г. Ярославля», стр. 16, въ высшей степени своеобразно и въ ущербъ исторической точности и даже правдѣ объясняетъ поѣздку Александра Невскаго въ орду вскорѣ послѣ изгнанія татаръ изъ многихъ городовъ

На страницахъ же лѣтописей,—и конечно уже какъ кн. *Ярославскій*,—Θеодоръ Ростиславичъ появляется только съ 1276 года. Въ этомъ году онъ присутствовалъ на похоронахъ кн. Костромскаго и великаго князя Владимірскаго Василія Ярославича (3). Въ слѣдующемъ 1277 г., когда ханъ Мангу-Тимуръ собрался противъ непокорныхъ ясовъ, товъ его походѣ противъ этого племени принимали участіе и нѣкоторые русскіе князья, и въ числѣ ихъ Θеодоръ Ростиславичъ. По лѣтописному сказанію они взяли и сожгли, въ южномъ Дагестанѣ, городъ Дедяковъ или Тетяковъ (по Ник. лѣт. 8 февраля), послѣ чего ханъ, богато одаривъ князей, отпустилъ ихъ съ честію (4).

Суздальской земли, при чемъ ссылается на Карамзина Послѣдній т. IV, стр. 55) говоритъ о поѣздкѣ Невскаго въ орду для умилостивленія хана вообще за возстаніе городовъ на татаръ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ,—а у о. Троицкаго выходитъ такъ, что Александръ Невскій ѣздилъ въ орду по случаю убіенія Зосимы, и ѣздилъ успѣшно: онъ «умѣлъ оправдать Θеодора передъ ханомъ». О Θеодорѣ Ростиславичѣ, кстати замѣтимъ, до 1276 г. лѣтописи не говорятъ, а если и говорятъ о какихъ—нибудь событіяхъ изъ его жизни, случившихся до указаннаго года, то говорятъ, такъ сказать, заднимъ числомъ и именно подъ этимъ 1276 годомъ Г. *Рогозинниковъ* (Яр. Губ. Вѣд. 1863 г. № 1) въ своей замѣткѣ: «Изъ исторіи г. Ярославля (1262 г.)», высказываетъ предположеніе о томъ, что князья старались смягчить жестокость откупщиковъ... Конечно, всякій порядочный князь долженъ былъ заботиться объ этомъ, но въ данномъ случаѣ является еще вопросъ объ участіи князей въ возстаніи городовъ. На это есть указанія въ лѣтописяхъ, хотя—надобно замѣтить—въ позднѣйшихъ. Такъ, въ Никон. III, 41 говорится: «Того жъ лѣта (6770) совѣтъ бысть на татарове по всѣмъ градомъ рускимъ..... и по семъ иниц князи жъ рустіи, согласивжеся межи собою, изгнаша татаръ из градовъ своихъ». А одинъ лѣтописецъ («Лѣтописецъ содерж. въ себѣ росс. исторію и пр.» М. 1781 г.)—правда поздній и весьма искаженный издателями—говоритъ, что въ 1262 г. по городамъ было «вѣчье на бесермены, на ясащиковъ. Тогда же и Зосиму убили въ Ярославлѣ, и на Устюгѣ тогда былъ ясащикъ Буга богатырь; и взялъ у нѣкоего крестьянина дщерь дѣвицу насиліемъ за ясакъ на постелю. И пріиде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что татаръ бити, и дѣвка сказала, (очевидно Бугѣ) и онъ пришедъ на вѣчье и т. д.» (припятіе Бугомъ христіанства и женитьба на помянутой дѣвкѣ).

(3) Ник. III, 60.

(4) Ibid, III, 61—64; П. С. Р. Л. VII, 175; въ IV, 43 и V, 199 безъ поименованія князей.

Князья возвратились изъ орды лѣтомъ 1278 года (по однимъ лѣтописямъ—13 іюня, по другимъ—12 іюля). Въ томъ же году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Ѳеодоръ Ростиславичъ выдалъ вторую дочь свою за Михаила Глѣбовича, сына Глѣба Васильковича, въ то время князя Ростовскаго. Молодая чета вѣнчана была въ Ярославлѣ Ростовскимъ епископомъ Игнатіемъ. На свадьбѣ присутствовали многіе князья и бояре, а также и мужъ старшей дочери Ѳеодора Ростиславича, Давидъ Константиновичъ, князь Галицкій. Отецъ новобрачнаго, какъ сказано въ лѣтописи, «сотвори у себя пиръ великъ в Ярославле и почти свата своего Ѳедора Ростиславича Черпаго и княгиню его и з детми его, и зятя его, Давыда Костянтиновича Галицкаго и Дмитровскаго, и бояръ его и слугъ его» (1).

Вскорѣ послѣ этой свадьбы, а именно въ началѣ октября, Ѳеодоръ Ростиславичъ, вмѣстѣ съ молодымъ зятемъ своимъ отправился—неизвѣстно: по приказу ли хана, или по собственному желанію,—опять въ орду, чтобы принять участіе въ войнѣ татаръ, на этотъ разъ, въ Болгаріи «съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ Греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Небо послало его освободить отечество отъ ига монгольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовствующей супругѣ царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ, наконецъ, разбитъ татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ» (2). Этотъ походъ былъ въ 1278 году, а въ слѣдующемъ 1279 г. въ Ярославлѣ скончалась бабка Маріи Васильевны, Марина Олеговна (3). О присутствіи Ѳеодора Ростиславича въ это время въ Ярославлѣ лѣ-

---

(1) П. С. Р. Л. I, 227; VII, 174; Ник. III, 65. Извѣстіе объ этомъ событіи необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи, конечно приблизительномъ, времени рожденія Маріи, вступленія ея въ бракъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ и рожденія у нихъ дѣтей.—Составитель упоминавшагося выше «Хронологическаго очерка» говоритъ, подъ 1276 год., что Ѳеодоръ Ростиславичъ, въ этомъ году, выдалъ старшую дочь за Давида Галицкаго, но не указываетъ источника, на которомъ онъ основываетъ свое показаніе. По нашему расчету, какой мы сдѣлали въ текстѣ, едва ли могла выйти за-мужъ раньше этого года старшая дочь Ѳеодора Ростиславича. Странно, что мужъ ея упомянутъ въ числѣ гостей, присутствовавшихъ на свадьбѣ ея сестры, а о ней въ лѣтописи умалчивается.

(2) Ibid. VII, 174; Ник. III, 65; Кар. IV, 80.

(3) Ник. III, 68.

тописи ничего не говорятъ. Если вѣрить послѣдовательности въ передачѣ фактовъ Никоновою лѣтописью, онъ былъ въ это время въ Смоленскѣ (1).

Старшій братъ Θеодора Ростиславича, Глѣбъ Смоленскій, умеръ еще въ 1277 году; слѣдующій братъ, Михаилъ—въ 1279 году. Въ лѣтописяхъ сказано, что по смерти Михаила сѣлъ на Смоленскомъ столѣ его братъ, Θеодоръ Ярославскій, но этотъ послѣдній фактъ пріурочивается и къ 1279, и къ 1280 году (2).

Въ 1281 году Θеодоръ Ростиславичъ возвратился изъ Смоленска и дѣйствовалъ уже въ предѣлахъ Суздальской области. Зимой, этого года, Андрей Александровичъ, находившійся во враждѣ съ своимъ братомъ, великимъ княземъ Дмитріемъ, возвратился изъ орды, гдѣ выпросилъ себѣ великое княженіе. Съ нимъ прибыла татарская рать, во главѣ которой стояли Кавгадый и Алчедай. Дошедши до Мурома, Андрей послалъ за князьями: Θеодоромъ Ростиславичемъ, Михаиломъ Ивановичемъ Стародубскимъ, Константиномъ Борисовичемъ Ростовскимъ и др. Соединившись съ ними, онъ пошелъ къ Переяславлю. Великій князь бѣжалъ, а татары начали опустошать Суздальскую землю (3).

Вернувшись изъ Смоленска обратно въ Ярославль Θеодоръ Ростиславичъ оставилъ въ родовой отчинѣ своей намѣстника, о чемъ мы узнаемъ изъ дошедшаго до насъ, хотя и не подлиннаго, договора его съ рижскимъ епископомъ, мейстеромъ и ратманами, касательно свободной торговли между Смоленскомъ и Ригой. Въ этой грамотѣ, писанной въ 1284 г. «на Възнесенье» (пасха была въ этомъ году 9-го апрѣля), между прочимъ, сказано: «а тоу былъ въ Смолѣньске *на мѣстѣ на княжи на Федорове Андрѣй Михаиловичь князь, Артемии намѣстьникъ*» и пр. (4).

---

(1) Впрочемъ, Ник. лѣт. кратко отмѣчаетъ только самый этотъ фактъ, но не обставляетъ его подробностями.

(2) П. С. Р. Л. VII, 174; Ник. III, 68. Въ послѣдней, конечно ошибочно, Михаилъ Смоленскій названъ Ярославичемъ.—Воскр. лѣт. говоритъ о смерти Михаила подъ 1279 г., а о занятіи Θеодоромъ Ростиславичемъ Смоленскаго престола подъ 1280 годомъ, не упоминая совсѣмъ о смерти Марины. Никон. лѣт. подъ однимъ и тѣмъ же 1279 годомъ говоритъ сначала о смерти Михаила, потомъ о занятіи Θеодоромъ Ростиславичемъ Смоленска и, наконецъ, о смерти Марины.

(3) Ibid. VII, 175; Кар. IV, прим. 171.

(4) Собраніе государственныхъ грамотъ и документовъ II, № 3. Троицкій говоритъ, что послѣ заключенія этого договора, Θеодоръ былъ въ ордѣ, но это не вѣрно. См. прим. ниже.

Съ 1281 по 1292 годъ въ лѣтописяхъ ни разу не упоминается имя Θеодора Ростиславича. Кажется, именно къ этому то времени всего безошибочнѣе и можно пріурочить большую часть фактовъ извѣстнаго сказанія о пребываніи Ярославскаго князя въ ордѣ и женитьбѣ его на дочери хана (1). Это сказаніе хотя и отзывается (свойственной времени написанія Степенной книги) риторикой и нѣкоторыми преувеличеніями, но въ основѣ своей оно, несомнѣнно, достовѣрно.

По этому сказанію, Ксенія, жена Василія Всеволодовича, по совѣту кн. Бориса и Глѣба Васильковичей, отдала, какъ мы видѣли, дочь свою въ замужество за Θеодора Ростиславича Можайскаго: «и тако градъ Ярославль притяжа (Θеодоръ) въ одержаніе». Отъ брака съ дочерью Василія Всеволодовича у Θеодора родился сынъ Михаилъ.—По плѣненіи же Руси татарами, говорится въ сказаніи, князья послѣдней должны были ѣздить въ орду для утвержденія (волей хана) на ихъ княженіяхъ. Такъ (однажды), вмѣстѣ съ другими князьями отправился въ орду и Θеодоръ Ростиславичъ. Отъ красоты его у царицы «уязвися сердце» и она не захотѣла отпустить Θеодора обратно на Русь, а самъ царь (ханъ) постоянно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, держалъ его при себѣ. Наконецъ царица задумала выдать за него свою дочь, но Θеодоръ заявилъ, что у него уже есть въ Ярославлѣ законная жена, и началъ проситься обратно на Русь то лично, то чрезъ вельможъ. Просьбы Θеодора наконецъ были уважены царемъ и онъ отпустилъ Ярославскаго князя въ его отчину. Прибывъ къ Ярославлю, Θеодоръ Ростиславичъ узналъ, что жена его умерла, а городомъ управляли сынъ и теща его вмѣстѣ съ боярами. Θеодоръ хотѣлъ было войдти въ городъ, но теща и бояре не пустили его (2)

---

(1) Степ. кн. I, 392—397. Съ этимъ сказаніемъ весьма сходно житіе Θеодора, составленное іеромонахомъ Спасопреображенскаго (Ярославскаго?) монастыря «по благословенію господина преосвященнаго митрополита Филиппа, волею же.... государя вел. князя Іоанна Васильевича всея Русіи при благородномъ и благочестивомъ его сынѣ Іоаннѣ Ивановичѣ». Житіе это напечатано въ Яросл. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 37. Въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ, за 1876 г., напечатано плохо составленное «Житіе преп кн. Θеодора Ярославскаго» (Списано отъ Андрея Юрьева). Здѣсь же укажемъ на трудъ Ярославскаго архіепископа Нила: «Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, съ присовокупленіемъ житія св. благов. кн. Феодора, Давида и Константина...» Ярославль. 1862 года.

(2) Это можно объяснить только тѣмъ, что Ксенія, управляя княжествомъ въ малолѣтство дочери и продолжительное отсутствіе изъ Ярославля Θеодора Ростиславича, привыкла къ власти, съ которой и не хотѣла разстаться.

«и нелѣпая словеса глаголаше изъ града женскимъ умышленіемъ: мы таковаго обычая не имамы, еже отъ инуду пришедша пріяти; довлѣетъ намъ отечеству наслѣдникъ князь нашъ Михаилъ, сынъ твой». Потерпѣвъ такую неудачу, Ярославскій князь возвратился въ орду и молилъ хана о возвращеніи наслѣдія. Ханъ съ угрозами отправилъ въ Ярославль посла, но Ярославцы и слушать его не хотѣли. Въ тоже время царица, супруга хана, не переставала внушать своему мужу мысль о выдачѣ дочери ихъ за Θеодора. «Можетъ ли быть, отвѣчалъ ханъ, чтобы мы отдали нашу дочь за нашего улусника и служебника, тѣмъ болѣе, что онъ не одной съ нами вѣры?» Однако женская настойчивость взяла верхъ и бракъ, разрѣшенный самимъ патріархомъ, состоялся: невѣста въ св. крещеніи получила имя Анны. Царь приказалъ, чрезъ посланіе, всѣмъ улусникамъ и вельможамъ своимъ приносить почетные дары зятю и его супругѣ, отдалъ Θеодору Ростиславичу во владѣніе до 36 городовъ, въ числѣ которыхъ были: Черниговъ, Болгары и др., а также и неизвѣстные намъ: Гормиръ, Балыматы и наконецъ, далъ новобрачнымъ въ услуженіе русскихъ князей и бояръ. Лично ханъ держалъ зятя въ большой чести: надѣвалъ на его голову царскій вѣнецъ и приказалъ построить для него палаты. Во время пребыванія въ ордѣ, у Θеодора Ростиславича отъ брака съ ханскою дочерью родились два сына: Давидъ и Константинъ. Наконецъ, когда до царскаго зятя дошло извѣстіе, что сынъ его отъ перваго брака умеръ, то Θеодоръ Ростиславичъ упросилъ своего тестя отпустить его въ Ярославль. Просьба Ярославскаго князя была исполнена ханомъ, который отправилъ съ зятемъ отрядъ татаръ, да бы отомстить въ Ярославлѣ кому слѣдуетъ за оскорбленія, причиненныя зятю.

Такимъ образомъ, какъ сейчасъ увидимъ, пріѣздъ Θеодора Ростиславича изъ орды въ Ярославль долженъ былъ совершиться въ періодъ времени между 1289 и 1291 или 1292 годами. Къ этому періоду времени мы и перейдемъ.

Годъ смерти сына Θеодора Михаила неизвѣстенъ; но, если принять во вниманіе уединенно стоящее извѣстіе Троицкой лѣтописи (которое ниже приводится), то можно придти къ выводу, что Михаилъ скончался или въ концѣ 1287, или въ 1288 году. Въ упомянутой Троицкой лѣтописи (1) подъ 1288 г. за-

---

(1) П. С. Р. Л. I, 227. Дѣлать здѣсь предположенія о томъ, вслѣдствіе чего Андрей Александровичъ занялъ Ярославль, а Александръ Угличъ мы не рѣшаемся, такъ какъ не имѣемъ точныхъ основаній.

несено слѣдующее: «Сѣде Андрей Александровичъ на Ярославлѣ, а Олександръ Ѳедоровичъ (?) на Угличѣ—полѣ». Ѳеодоръ Ростиславичъ былъ еще въ это время въ ордѣ, о чемъ, впрочемъ, мы говорили и выше. Затѣмъ до 1293 года въ лѣтописяхъ не встрѣчается извѣстій объ Андреѣ Александровичѣ. Но подъ 1293 г. говорится о возвращеніи Андрея изъ орды вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ и другими князьями. Поѣздка въ орду была совершена Андреемъ по причинѣ козней, веденныхъ имъ еще въ предшествовавшемъ году въ Суздальской области противъ старшаго его брата. На эти козни, на привлеченіе князей на свою сторону, на поѣздку въ орду и возвращеніе оттуда требовалось, разумѣется, не мало времени, такъ что становится поэтому очевиднымъ, что Ѳеодоръ Ростиславичъ долженъ былъ занять Ярославль гораздо раньше 1293, даже 1292 г. и, можетъ быть, занялъ его около конца 1289 или въ 1290 году.

Возвратимся, однако, къ изложенію дальнѣйшихъ послѣ 1288 года событій.

Въ 1292 г. Андрей Александровичъ, настойчиво преслѣдуя свою цѣль—занятіе подъ своимъ братомъ Дмитріемъ великокняжескаго стола, успѣлъ привлечь на свою сторону братьевъ Борисовичей: Дмитрія Ростовскаго и Константина Углицкаго, а также и другихъ князей, въ томъ числѣ и Ѳеодора Ростиславича Ярославскаго. Князья успѣли очернить Дмитрія передъ ханомъ, и этотъ послѣдній далъ имъ на помощь въ борьбѣ съ Дмитріемъ татарскія полчища во главѣ съ Дюденемъ. Противъ князей своихъ противниковъ, соединившихся съ татарами, Дмитрій, конечно, не могъ устоять, а потому чрезъ Волокъ бѣжалъ въ Псковъ. Между тѣмъ татары начали опустошать города и селенія не только тѣ, которые принадлежали Дмитрію, но даже и принадлежащіе князьямъ, бывшимъ въ союзѣ съ Андреемъ. По уходѣ татаръ, Андрей ушелъ въ 1293 году въ Новгородъ. Ѳеодоръ Ростиславичъ, какъ главный послѣ Андрея участникъ въ борьбѣ съ Дмитріемъ, заполучилъ Переяславль-Залѣсскій. Вскорѣ, впрочемъ, при посредствѣ Тверскаго князя и тамошняго владыки, враждующіе братья примирились: Дмитрій, уступивъ младшему брату великокняжескій престолъ, захотѣлъ удовольствоваться Переяславлемъ, который, поэтому, долженъ былъ быть оставленъ Ярославскимъ княземъ. Вѣроятно, въ досадѣ на такой оборотъ дѣла Ѳеодоръ Ростиславичъ, покидая Переяславль, предалъ его огню (1).

---

(1) П. С. Р. Л. I, 208, 228; III, 65—66; IV, 44; V, 201—202; Ник. III, 89—93. Въ Лавр., Троиц. и Новг. 4-ой подъ 6801 (1293) го-

Андрей Александровичъ не успокоился, однако, и послѣ смерти Дмитрія (†1294): онъ имѣлъ, кажется, виды и на Переяславль. Какъ бы то ни было, но въ 1296 году «бысть нелюбіе межи князей рускихъ». Они раздѣлились на два лагеря: въ одномъ былъ великій князь Андрей Александровичъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ и Константиномъ Борисовичемъ Ростовскимъ, въ другомъ — Даніилъ Александровичъ Московскій, Михаилъ Ярославичъ Тверскій и Иванъ Дмитріевичъ Переяславскій, племянникъ Андрея. Дѣло дошло до того, что въ эту распрю вступился самъ ханъ, который прислалъ во Владиміръ посла—разобрать споры Русскихъ князей. На Владимірскомъ съѣздѣ князья разгорячились до того, что взялись—было за мечи и только, благодаря посредничеству Владимірскаго владыки Симеона и Сарскаго—Измаила, дѣло не дошло до кровопролитія. Умиротворенные, хотя и временно, благодаря посредничеству владыкъ, князья разъѣхались изъ Владиміра (2).

Выше уже сказано было, что Ѳеодоръ Ростиславичъ, послѣ смерти послѣдняго изъ старшихъ своихъ братьевъ, Ми-

---

домъ сказано, что Ѳеодоръ Ростиславичъ сѣлъ въ Ярославлѣ (послѣ татарскихъ опустошеній), а Александръ Константиновичъ—въ Угличѣ. То же упоминается и въ Воскр. лѣтописи, но подъ 6802 (1294) годомъ, а подъ первымъ 6801 годомъ въ ней сказано, что Ѳеодоръ Ростиславичъ сѣлъ въ Переяславлѣ. Кажется, ошибка здѣсь легко объясняется какъ созвучіемъ въ названіяхъ городовъ, такъ и близостью событій, касающихся названныхъ городовъ, къ которымъ соприкосновенно было, въ данную минуту, одно и то же лице.—О сожженіи Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Переяславля говорятъ Лавр. и Никон. лѣтописи; разница только въ годахъ: по первой это было въ 6805 (1295), по второй—въ 6803 (1294) году. Не отдавая предпочтенія Никон. лѣтописи передъ другими, можно, все-таки, замѣтить, что въ данномъ случаѣ событія въ ней расположены послѣдовательнѣе нежели въ другихъ: въ 1293 году князья являются на Русь съ татарами, которые опустошаютъ Суздальскую землю; въ томъ же году Ѳеодоръ Ростиславичъ занимаетъ Переяславль; въ 1294 г. сожигаетъ Переяславль, послѣ чего садится въ Ярославлѣ.

(2) П. С. Р. Л. IV, 45; V, 202; VII, 181, Ник. Ш, 94. Въ послѣдней этотъ эпизодъ заключенъ такъ: «И тако *поделившесь* княніемъ разыдошася кождо восвояси». Иванъ Переяславскій былъ привязанъ къ младшему брату великаго князя Андрея, Даніилу, которому и предназначалъ свой удѣлъ, въ случаѣ бездѣтной своей смерти. Конечно Андрей зналъ объ этомъ, а потому-то и домогался Переяславля.

хаила (+1279 г.), вступилъ во владѣніе Смоленскомъ. Но въ 1281 г. Θеодоръ, какъ мы видѣли, былъ уже въ Суздальской землѣ, оставивъ въ Смоленскѣ намѣстника. Не знаемъ, откуда почерпнули наши историки извѣстіе о томъ, что въ 1285 г. Θеодоръ Ростиславичъ уступилъ или долженъ былъ уступить Смоленскъ своему племяннику Александру Глѣбовичу (1); знаемъ только

---

(1) Прот. I Троицкій (Исторія губернскаго города Ярославля, стр. 18) говоритъ, что, послѣ заключенія договора съ Ригой, въ 1284 г., Θеодоръ Ростиславичъ снова былъ въ ордѣ. Это не вѣрно: мы не находимъ указаній о Θеодорѣ въ лѣтописяхъ, начиная съ 1281 и далѣе 1284 года. Самый договоръ не былъ заключенъ имъ лично, какъ это мы видѣли изъ приведеннаго въ текстѣ отрывка договора. Карамзинъ (т. IV, 89 пр. 171) говоритъ, что по смерти Глѣба и Михаила Ростиславичей, Θеодоръ господствовалъ въ Смоленскѣ, но вскорѣ *долженъ былъ уступить* его племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 г.) счастливо отразилъ отъ столицы своей князя Брянскаго, Романа Михайловича (см. ниже). С. М. Соловьевъ (т. III, стр. 244, изд. 3), не указывая источника, говоритъ, что Александръ Глѣбовичъ »овладѣлъ Смоленскомъ подъ дядею», но не говоритъ, въ *какомъ* году. Карамзинъ въ вышеуказанномъ примѣчаніи къ IV тому замѣчаетъ, что въ родословныхъ несправедливо сказано, что Александръ Глѣбовичъ выгналъ изъ Смоленска Θеодора въ 1294 г. (въ Родосл., напр., «Временника И. М. О. И. и Др.» кн. 10, дѣйствительно есть это извѣстіе). Далѣе онъ приводитъ мѣсто изъ неизвѣстнаго намъ лѣтописца о Романѣ: «въ лѣто 6793 (1285) князь Романъ Бряньскій (а не Пронскій) приходилъ ратью къ Смоленску и бился у города, и пожже пригородье, и отъиде прочь въ свояси.» Наконецъ, историкъ замѣчаетъ, что по нашимъ родословнымъ Романъ, сынъ св. Михаила князя Черниговскаго, убитъ въ ордѣ, и что отъ него пошли князья Осовецкіе. Изъ приведеннаго лѣтописнаго отрывка не видно чей сынъ былъ этотъ Романъ и противъ кого онъ приходилъ къ Смоленску. Отрывокъ этотъ весьма схожъ съ извѣстіемъ Лавр. лѣтописи (т. I, 207). «Въ лѣто 6793 Романъ князь Брянскый приходилъ ратью къ Смоленску и пожже пригородъ и отъиде всвояси». Въ Никон. лѣт. (III, 85) подъ 6794 годомъ говорится, что Романъ Брянскій подступалъ къ Смоленску, пожегъ окрестности и ушелъ домой. И изъ этихъ двухъ отрывковъ не видно, чей именно сынъ былъ Романъ и противъ кого онъ приходилъ. Въ 1284 году мы видимъ въ Смоленскѣ намѣстника Θеодорова, Артемія, и болѣе значительное лицо, какого-то кн. Андрея Михайловича Но откуда-же наши историки почерпнули свѣдѣніе о томъ, что въ 1285 г. въ Смоленскѣ,—въ качествѣ ли самостоятельнаго князя, въ качествѣ-ли намѣстника,—былъ Александръ Глѣбовичъ? Никитинъ («Исторія г. Смоленска»,

лѣтописныя извѣстія, что въ 1297 году Александръ Глѣбовичъ «взя лестью княженіе Смоленьское подъ *отцемъ* своимъ» (2). Ѳеодоръ Ростиславичъ вооружился на племянника и въ 1298 г. подступилъ къ Смоленску. Въ продолженіе многихъ дней происходили стычки подъ стѣнами города. Ярославскій князь не могъ взять Смоленска, который сильно былъ укрѣпленъ, и возвратился въ Ярославль (3).

Въ слѣдующемъ 1299 г. сентября 19, Ѳеодоръ Ростиславичъ, чувствуя приближеніе смерти, постригся, и въ ночь на 20 сентября, облекшись въ схиму, скончался (4).

М. 1842), слѣдуя Мурзакевичу („Исторія губ. города Смоленска" 1804), говоритъ: «Брянскій князь Романъ *Глѣбовичъ* былъ недоволенъ, что братъ его распоряжаетъ Смоленскомъ, и желая самъ господствовать тамъ, сдѣлалъ въ 1286 г. нападеніе на Смоленскъ и т. д. (стр. 74). Но опять мы не знаемъ, откуда и Мурзакевичъ почерпнулъ свѣдѣнія о томъ, что въ 1286 г. въ Смоленскѣ былъ Александръ Глѣбовичъ. Одно только у Мурзакевича болѣе правдоподобно,-это, что Романъ былъ братъ Александра Глѣбовича, а не сынъ Михаила Черниговскаго. О послѣднемъ лѣтописныя извѣстія идутъ только до 1275 года. См. слѣд. прим.

(2) П. С. Р. Л. IV, 45; V, 202. Приведенная въ текстѣ фраза въ указанныхъ лѣтописяхъ дословно одинакова и только въ послѣдней переставлены слова. Тѣмъ не менѣе, очевидно, что вмѣсто «подъ отцемъ» надобно читать: „подъ дядею». Если Ѳеодоръ Ростиславичъ уступилъ или *долженъ былъ уступить* (вынужденно или добровольно?) Смоленскъ племяннику, какъ говоритъ Карамзинъ, то зачѣмъ было Ѳеодору вооружаться на своего племянника? Если же въ 1285 г. Александръ Глѣбовичъ *отнялъ* Смоленскъ у дяди, какъ говоритъ о. Троицкій («Исторія губернскаго г. Ярославля, стр. 18. Соловьевъ говоритъ также объ *отнятіи*, но его нельзя принимать въ расчетъ, потому что онъ не указываетъ года), то почему Ѳеодоръ Ростиславичъ, повидимому, равнодушно относился къ этому нѣсколько лѣтъ, а въ 1298 г. вдругъ надумалъ идти противъ племянника, похитившаго Смоленскій престолъ? Неизвѣстно на чемъ основанное мнѣніе Никитина, или—лучше—Мурзакевича, по моему, ближе къ истинѣ и, при извѣстныхъ предположеніяхъ, логичнѣе. Если въ 1285 г. Ѳеодоръ Ростиславичъ отдалъ Смоленскъ племяннику, *какъ своему намѣстнику*, то въ 1297 г. послѣдній съумѣлъ какимъ-нибудь образомъ *обольстить* («взя лестію», сказано въ лѣтописи) гражданъ Смоленска и объявить себя самостоятельнымъ княземъ, что и вызвало со стороны Ѳеодора походъ подъ Смоленскъ.

(3) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 182; Ник. III, 95.

(4) Ibid. I, 208 (подъ 6808 годомъ), 228; V, 203; Ник III, 96.

Θеодоръ Ростиславичъ былъ женатъ дважды: на Маріи Васильевнѣ, съ рукою которой онъ получилъ Ярославль, и на дочери хана, нареченной въ св. крещеніи Анной (1). Отъ перваго брака онъ имѣлъ сына Михаила и двухъ дочерей, неизвѣстныхъ намъ по имени, изъ которыхъ: старшая была за кн. Галицкимъ Давыдомъ Константиновичемъ, а младшая—за Михаиломъ Глѣбовичемъ, кн. Бѣлозерскимъ; отъ втораго же брака у него осталось только два сына: Давидъ и Константинъ, по прозванію *Улемецъ*.

Давидъ и Константинъ Θеодоровичи.

1289—1321 г.

Отъ перваго брака у Θеодора Ростиславича, какъ извѣстно, былъ сынъ Михаилъ, отъ имени котораго, во время пребыванія Θеодора въ ордѣ, управляли: бабка Михаила, Ксенія, и бояре, которые, именемъ того же Михаила, не признали своимъ княземъ Θеодора Ростиславича, когда послѣдній пришелъ въ Ярославль изъ орды. Время для Ярославля, очевидно, было смутное, тѣмъ не менѣе и въ это смутное время Ярославскимъ княземъ, по крайней мѣрѣ, de jure—долженъ считаться, всетаки, Θеодоръ Ростиславичъ.

Однако, нельзя пройти молчаніемъ и Михаила Θеодоровича, хотя бы онъ и былъ выдвинутъ честолюбіемъ или властолюбіемъ своей бабки: такъ или иначе, онъ всетаки является, до нѣкоторой степени, дѣйствующимъ лицемъ въ исторіи княженія своего отца. Что извѣстно о Михаилѣ?—Лѣтописныхъ указаній о немъ не дошло и мы знаемъ его только по сказанію или повѣсти о житіи Θеодора, отца его, находящейся въ Степенной книгѣ. Долго ли онъ былъ или, лучше сказать, считался Ярославскимъ княземъ?... Когда онъ умеръ?—Отвѣтовъ на эти вопросы мы не находимъ въ лѣтописяхъ, а потому въ нашемъ распоряженіи остаются одни только предположенія, которыя, вообще, мало помогаютъ дѣлу. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ у насъ можетъ быть только одно предположеніе, опирающееся на—вѣрное или сомнительное—извѣстіе Троицкой (2) лѣтописи подъ 1288 годомъ (оно было нами приведено уже выше), изъ кото-

(1) Карамзинъ (IV, 70) предполагаетъ, что, если повѣсть Степенной книги справедлива, то Θеодоръ женился на дочери не хана Мангу—Тимура, а хана Ногая, женатаго на христіанкѣ и не хотѣвшаго принять ислама.

(2) П. С. Р. Л. I, 227.

раго можно заключить, что Михаилъ Феодоровичъ жилъ не далѣе 1288 года. Такимъ образомъ слѣдующимъ за Феодоромъ Ростиславичемъ дѣйствительнымъ владѣтельнымъ Ярославскимъ княземъ слѣдуетъ считать сына его, Давида.

О Давидѣ Феодоровичѣ мы знаемъ чрезвычайно мало, лѣтописныя извѣстія о немъ ограничиваются только указаніемъ года его смерти: умеръ зимой 1321 года (1).

Неизвѣстно также на комъ онъ былъ женатъ, такъ какъ объ этомъ не говорятъ ни лѣтописи, ни родословныя. Послѣ Давида Феодоровича осталось два сына: Василій, по прозванью *Грозный* (по другимъ родословнымъ—напр., «Временника» — *Грозныя очи*), и Михаилъ, первый князь Моложскій.

Что касается брата Давида, Константина Феодоровича, то о существованіи его мы знаемъ единственно только изъ житій и преданій, составленныхъ въ позднѣйшее уже время. Владѣлъ ли онъ отдѣльно Ярославлемъ, или совмѣстно съ братомъ своимъ сидѣлъ на Ярославскомъ престолѣ; былъ ли женатъ, имѣлъ ли дѣтей, когда, наконецъ, умеръ,—ни какихъ объ этомъ свѣдѣній до насъ не дошло.

Василій Давидовичъ *Грозный*.

р 1321 +1345 г.

Василій Давидовичъ жилъ въ то переходное, тяжелое время, когда Москва, какъ теперь кажется, тихо и почти незамѣтно, а на самомъ дѣлѣ весьма энергично и *сознательно* стремилась къ матеріальному своему усиленію на счетъ своихъ же сосѣдей; когда она—такъ сказать—начала впиваться въ отдѣльные, раздробленные и, поэтому, сравнительно, маленькіе организмы удѣльныхъ княжествъ (2). Грубая по теперешнимъ по-

(1) П. С. Р. Л. I, 229; III, 131; IV, 49; V, 216; VII, 198; Прод. Нест. 78; Ник. III, 126. Мощи св. князя Феодора и дѣтей его, погребенныхъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ въ Ярославлѣ (теперь—архіерейскій домъ) обрѣтены въ 1463 г. при кн. Александрѣ Феодоровичѣ *Брюхатомъ*, праправнукѣ св. Феодора (Idid. IV, 132, 148; V, 274; VI, 185. Давидъ, конечно, по ошибкѣ названъ въ лѣтописи внукомъ Феодора Ростиславича, VIII, 150). Память этимъ св. князьямъ совершается 19 сентября, въ день смерти Феодора, и 5 марта, въ день обрѣтенія мощей ихъ.

(2) Профессоръ Сергѣевичъ, указывая на крайности нашихъ историковъ во взглядахъ на заслуги Ивана Калиты, самъ впадаетъ въ крайность: онъ, такъ сказать, беретъ одну и ту же палку,—только съ другаго конца. Этой общей замѣткой мы огра-

нятіямъ, по по тогдашнимъ—верхъ дипломатическаго искусства политика Московскихъ князей стремилась къ извѣстной цѣли, и ради ея никого и ничего не щадила. Нужно было чтобы въ сѣверо-восточной Руси былъ одинъ хозяинъ—все равно: для борьбы ли съ татарами, со своимъ ли братомъ, наконецъ съ Литвой, во всякомъ случаѣ, необходимо было, чтобы силы не были раздроблены. Представлялся вопросъ не только объ уничтоженіи татарскаго ига, но и о томъ, кому господствовать въ восточной Европѣ: Литвѣ ли (одной, или совмѣстно съ Польшей),—или Руси. Московскіе князья раньше другихъ поняли это и неуклонно и сознательно начали стремиться къ собиранію Руси во едино, начали тѣми или иными средствами присоединять къ Москвѣ мелкія русскія княжества.

Василію Давидовичу на первыхъ же порахъ его княженія пришлось также испытать на себѣ тяжелую руку Московскаго князя.

Въ первый разъ имя Василія Давидовича появляется на страницахъ лѣтописей подъ 1339 годомъ. Но одно событіе, касающееся Ярославля, произошло и раньше показаннаго года, уже при Василіѣ Давидовичѣ, который, впрочемъ, не упомянутъ лѣтописцами при передачѣ ими этого факта. Именно: въ 1322 г. Иванъ Даниловичъ Калита, находившійся тогда въ борьбѣ съ княземъ Тверскимъ, пришелъ изъ орды съ посломъ Ахмыломъ, который «много сотвори пакости по Низовской земли», взялъ тогда же Ярославль и ушелъ въ орду съ большимъ полономъ (3).

Иванъ Даниловичъ, настойчиво преслѣдуя свою цѣль по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ—держать ихъ въ своихъ рукахъ—, стремился въ особенности сломить князя Тверскаго, какъ единственнаго серьезнаго соперника Москвы. Въ 1339 г. онъ отправился въ орду вмѣстѣ съ старшими сыновьями своими, чтобы задобрить хана и при его посредствѣ смирить

ничиваемся потому, что г. Сергѣевичъ, въ своихъ взглядахъ на—вообще—Суздальскую землю, на ея гражданскій строй и т. п., заслуживаетъ отдѣльнаго спеціалиста, который показалъ бы уважаемому ученому и профессору, что, при извѣстной—но строгой—долѣ благодушія, нельзя смотрѣть на событія XIV—XV вѣка *глазами вѣка девятнадцатаго*. (См. «Исторія Русскаго права»— В И. Сергѣевича, которая, на сколько извѣстно, должна выйти въ свѣтъ въ текущемъ 1887 году; пока сочиненіе это выходитъ отдѣльными листами).

(3) П. С. Р. Л. I, 229; IV, 49; V, 216; VII, 198; XV, 414; Продолж. Нест. 78; Ник. III, 125 и сл.

непокорныхъ князей. «По думѣ» Калиты въ орду позваны были Александръ Михайловичъ Тверской и Василій Давидовичъ Ярославскій, зять Калиты. Когда помянутые князья, къ которымъ примкнулъ и кн. Романчукъ Бѣлозерскій (Романъ Михайловичъ), отправились на призывъ хана, Иванъ Даниловичъ выслалъ отрядъ въ 500 человѣкъ, чтобы перехватить Василія Давидовича. Но послѣдній отбился отъ этого отряда и благополучно прибылъ въ орду. Что же могъ означать этотъ послѣдній поступокъ Калиты? Хотѣлъ ли онъ на этотъ разъ смирить только Ярославскаго князя? Кажется, что одинаковое отношеніе Московскаго князя къ Тверскому и Ярославскому тѣсно соединило послѣднихъ; и въ данномъ случаѣ не опасался ли Калита, чтобы совмѣстныя и одновременныя дѣйствія обоихъ названныхъ князей въ ордѣ не повели къ нежелательному для него обороту дѣла? Это предположеніе кажется намъ единственнымъ, близкимъ къ истинѣ (1).

Въ 1340 году умеръ Иванъ Даниловичъ Калита и князья сѣверо-восточной Руси отправились въ орду, чтобы выслушать волю хана относительно замѣщенія великокняжескаго стола (2). Въ лѣтописяхъ есть указанія на то, что кромѣ старшаго сына Калиты, Симеона, были и другіе претенденты на великокняжескій столъ. По смерти Калиты, по извѣстію лѣтописи, «сопрошася князи русстіи о великомъ княженіи», именно: Константинъ Михайловичъ Тверской, Василій Давидовичъ Ярославскій и Константинъ Васильевичъ Суздальскій; которые, по словамъ лѣтописцевъ, и «поидоста о великомъ княженіи во орду» (3).

Впрочемъ, всѣ старанія названныхъ князей не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ Калита уже подготовилъ твердую почву въ ордѣ для своихъ преемниковъ, и Симеонъ по волѣ ханской остался великимъ княземъ. Въ томъ же 1340 г. у Симеона Ивановича, вслѣдствіе несправедливыхъ дѣйствій его же чиновниковъ въ Торжкѣ, при сборѣ дани, вышелъ раздоръ съ Новгородомъ, такъ что великій князь вынужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію, и всѣ три князя, его соперники: два Константина, Суздальскій и Тверской, и Василій Давидовичъ Ярославскій должны были принять съ нимъ участіе въ этомъ походѣ (4).

(1) Ibid. III, 79; V, 221; VII, 205; XV, 422; Прод. Нест. 85; Ник. III, 165—167.

(2) Ibid. III. 79; IV, 54 (въ обѣихъ подъ 6848 г.); IV, 55; V, 222; VII, 206; Ник. III, 172—3 (во всѣхъ подъ 6849).

(3) Ibid. VII, 237 въ статьяхъ или оглавленіи этой лѣтописи.

(4) Ник. III, 172—173.

О дальнѣйшей дѣятельности кн. Василія Давидовича лѣтописи умалчиваютъ, отмѣчая только годъ его смерти, бывшей зимой 1345 года (1).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ Василій Давидовичъ былъ женатъ на дочери князя Московскаго Ивана Даниловича Калиты, Евдокіи (†1342), отъ брака съ которой имѣлъ сыновей: Василія, Глѣба и Романа (2).

Василій Васильевичъ.

1339—1380 г.

По смерти Василія Давидовича въ Ярославлѣ сѣлъ старшій сынъ его, Василій. Лѣтописныя извѣстія объ этомъ князѣ весьма скудны (3). Такъ, есть извѣстія, что въ 1364 году Рос-

---

(1) Ibid. 182 и П. С. Л. IV, 57; V, 224; VII, 210; Прод. Нест. 89. Дѣятельность Василія Давидовича прекращается съ 1340 годомъ,—по крайней мѣрѣ, лѣтописи послѣ этого года говорятъ о немъ только по поводу его кончины. Но С. С. авторъ статьи: „Василій Давидовичъ Грозный, кн. Ярославскій" (въ Яр. Губ. Вѣд. 1843 г. № 30) говоритъ, что въ 1340 г. (не въ 1340, а въ 1341) его дружины вмѣстѣ съ великокняжескими ходили подъ Смоленскъ. Какъ извѣстно, нужно было идти *не подъ Смоленскъ, а подъ Можайскъ*, куда Московское войско и не поспѣло во время. О поѣздкѣ Василія Давидовича въ 1241 г. къ Джанибеку намъ то же ничего неизвѣстно, равно какъ и то, что будто бы въ 1244 году Василій, вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями, былъ въ ордѣ, гдѣ содѣйствовалъ утвержденію власти Симеона, и послѣ того находился въ войскахъ послѣдняго противъ возставшихъ на него нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей.

(2) Евдокія Ивановна упоминается только въ Никон. лѣт. (III, 179) по случаю ея кончины. Троицкій (Исторія губернскаго г. Ярославля стр. 25) говоритъ, что Василій Давидовичъ женился въ 1328 г. и ссылается на «Новг. лѣт. попа Іоанна», стр. 603, т. е. на Карамзина (т. IV, пр. 303). Но въ указанномъ примѣчаніи Карамзинъ приводитъ отрывокъ изъ родословной, по которой въ 1328 г. на дочери Калиты женился Ростовскій князь Константинъ Васильевичъ (то же по Родословной «Временника», т. X). Ошибка отца Троицкаго очевидна отсюда. Авторъ статьи: „Василій Давидовичъ Грозный", С. С. (Серебряниковъ) приблизительно считаетъ годомъ женитьбы Василія 1330, но—вопреки Никоновской лѣт.—называетъ, какъ и Хмыровъ (№ 721), жену Василія Евдоксіей.

(3) Василій Васильевичъ могъ родиться не позднѣе 1339 г. онъ—старшій изъ трехъ сыновей, а мать ихъ умерла въ 1342 году.

товскую землю, а слѣдовательно и Ярославль, посѣтила такъ называемая черная смерть, а въ 1372 г. Ярославль взятъ былъ Новгородцами (вѣроятно, новгородской вольницей) (1). Занося эти извѣстія на страницы лѣтописей, бытописатели ничего, однако, не говорятъ о самомъ князѣ Ярославскомъ.

Борьба между Москвой и Тверью, начавшаяся еще при внукахъ Невскаго, продолжалась и при праправнукахъ его. Въ 1375 г. великій князь Московскій Дмитрій Ивановичъ предпринялъ походъ на Тверь. Подъ его знаменами собрались всѣ удѣльные князья, въ числѣ ихъ и Василій Васильевичъ Ярославскій съ братомъ своимъ Романомъ (2). У нашихъ историковъ были подъ руками извѣстія, по которымъ Василій Васильевичъ участвовалъ и въ 1380 году въ знаменитой Куликовской битвѣ, дѣйствуя на лѣвомъ крылѣ (3).

Неизвѣстно, когда умеръ Василій Васильевичъ, а также и то, на комъ онъ былъ женатъ. Послѣ него остались слѣдующіе сыновья: Иванъ и Ѳеодоръ—князья Ярославскіе; Семенъ и Дмитрій, изъ которыхъ первый началъ собою рядъ удѣльныхъ князей Новленскихъ, а второй—Заозерскихъ, и Иванъ—Воинъ, называемый въ родословныхъ тоже княземъ Ярославскимъ.

Иванъ Васильевичъ.

1373 + 1426 г.

До насъ не дошло извѣстій о времени кончины Василія Васильевича, и его братьевъ, Глѣба и Романа; не знаемъ даже, кто изъ нихъ умеръ послѣднимъ. Такимъ образомъ самъ собою является вопросъ о томъ: кто же былъ непосредственнымъ преемникомъ Василія, кто послѣ него занималъ Ярославскій столъ? старшій ли сынъ его, Иванъ, или кто-нибудь изъ братьевъ?—А потому мы и сообщимъ о послѣднихъ все, что до насъ дошло.

Глѣбъ Васильевичъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что отъ брака съ неизвѣстной онъ

---

(1) Ник. IV, 8, 31.

(2) П. С. Р. Л IV, 70; V, 233; VIII, 22; XV, 435; Ник. IV, 42—44.

(3) Карамз. V, 39. С. С. (Серебрениковъ), авторъ статьи «Заозерское княжество» (въ Яросл. Губ. Вѣд. 1843 г. № 3), откуда-то выводитъ, что Василій Васильевичъ умеръ около 1400 года.

имѣлъ трехъ сыновей, князей Ярославскихъ: Ивана, Ѳеодора и Константина, по прозванію *Шаха*, родоначальника князей *Шаховскихъ* (1).

О Романѣ Васильевичѣ знаемъ нѣсколько болѣе. Въ лѣтописяхъ о немъ сохранилось два извѣстія, именно, что онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ участвовалъ въ походѣ великаго князя Дмитрія Ивановича на Тверь въ 1375 году (2), а въ 1380 году бился съ татарами на Куликовскомъ полѣ, кажется, вмѣстѣ съ младшимъ изъ своихъ сыновей, Андреемъ (3).

По родословнымъ, у Романа Васильевича были сыновья: Иванъ (по прозванію *Неблагословенный Свистунъ*), Дмитрій (4), Василій, Даніилъ, Илья и Андрей; всѣ они въ родословныхъ названы князьями Ярославскими.

Владѣли ли какимъ-нибудь удѣломъ Глѣбъ и Романъ въ то время, когда старшій братъ ихъ сидѣлъ въ Ярославлѣ? Относительно этого вопроса имѣются нѣкоторыя указанія. По родословнымъ, Романъ «поставилъ городъ Романовъ во имя свое». Такимъ образомъ можно почти утвердительно сказать, что Романъ получилъ въ удѣлъ земли вверхъ по Волгѣ, по направленію къ Шекснѣ, а также земли и на самой Шекснѣ. Заключить объ этомъ можно изъ того, что внукъ его Аѳанасій-Андрей Ивановичъ отъ удѣла своего, бывшаго на Шекснѣ, получилъ и прозвище Шехонскаго; наконецъ, потомки Романа владѣли и Кубеною, впрочемъ неизвѣстно, самому ли Роману

(1) Для приблизительнаго опредѣленія времени жизни Глѣба Васильевича нужно имѣть въ виду 1342 годъ—годъ смерти его матери, а также и то обстоятельство, что онъ не упоминается въ числѣ князей, принимавшихъ участіе въ походѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича на Тверь въ 1375 году, въ которомъ участвовали всѣ удѣльные князья Ростовско-Суздальской земли.

(2) См. прим. выше.

(3) Ник. IV, 98: «Тажъ приидоша Ярославския князи со всѣми силами своими, князь Андрей, кн. Романъ.» Другаго Андрея, Ярославскаго князя, котораго можно было бы пріурочить къ этому времени, мы не знаемъ, а что сынъ поставленъ раньше отца—это кажется просто случайность.

(4) Такъ какъ мы не находимъ ни одного Дмитрія Романовича, котораго можно было пріурочить къ концу XIV и началу XV вв., то именно къ этому Дмитрію Романовичу мы и рѣшаемся отнести слѣдующее извѣстіе Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. XV, 486). „На ту же осень (6922 г.), мѣсяца октобра 12 день, преставися князь Дмитрей Романовичъ, въ мнишескомъ чину нареченъ Прокопей“.

она досталась, при надѣлѣ его, или же пріобрѣтена впослѣдствіи, напр., посредствомъ какого-нибудь брака, какъ посредствомъ брака она и отошла потомъ отъ князей Дѣевыхъ къ князьямъ Заозерскимъ. Надобно полагать, что упомянутые кн. Дѣевы имѣли удѣлъ неподалеку отъ Ярославля, гдѣ и въ настоящее время есть село *Діевы городищи*, бывшее, по существующему преданію, центромъ удѣла названныхъ князей (1). Если такимъ образомъ принять за положительное, что младшій изъ братьевъ владѣлъ удѣломъ, то уже само собой разумѣется, что и средній изъ братьевъ—Глѣбъ долженъ былъ получить во владѣніе какія либо земли. Такъ, по нѣкоторымъ указаніямъ, удѣлъ Глѣба былъ также на рѣкѣ Шекснѣ. Кромѣ того, въ Даниловскомъ уѣздѣ и теперь есть еще село *Шахово*, которое прямо указываетъ своимъ названіемъ на кн. *Шаховскихъ*, происходящихъ отъ Глѣба Васильевича (2). Имѣя свои удѣлы или

---

(1) См. напр. родословную «Временника». О преданіи относительно Діевыхъ городищъ см. ст. свящ. *І. Покровскаго*. «Село Діевы Городищи» въ Яросл. Епарх. Вѣд. 1879 г., № 6. См. также слѣд. прим.

(2) Объ этомъ говоритъ прот. Троицкій, при чемъ ссылается на какую-то Родословную книгу. Тотъ же отецъ Троицкій, въ своей „Исторіи Мологской страны" говоритъ, что почти всѣ князья съ прозвищами, какъ *Ушатые*, *Шамины*, *Голыгины* и проч. не имѣли отчинъ, что видно изъ самыхъ ихъ прозваній, которыя явно не вотчинныя, а личныя. Въ другомъ мѣстѣ («Исторія г. Р.-Борисоглѣбска» въ Яросл. Губ. Вѣд. 1868 г. №№ 25, 26, 29 и 30), касаясь того же самаго вопроса по отношенію къ потомкамъ Романа Васильевича, т. е. личныхъ княжескихъ прозвищъ, Троицкій уже какъ-то неопредѣленно замѣчаетъ, что только «нѣкоторыя изъ прозваній указываютъ на мѣстность отчинъ Такъ Шаховскіе владѣли селомъ Шаховымъ.» А что же сказать объ Александрѣ *Брюхатомъ*, в. кн. Ярославскомъ? Дѣло въ томъ, что дѣти удѣльныхъ князей, не сидѣвшія на главномъ столѣ княжества и не имѣвшія особыхъ, такъ сказать, *удѣльныхъ* прозвищъ, развѣ только личныя,—тѣмъ не менѣе имѣли удѣлы. Почему они не носили прозвищъ по своимъ удѣламъ—мы не знаемъ. Впрочемъ, извѣстно, что, если кто-нибудь изъ такихъ князей имѣлъ личное прозвище, то онъ самъ нерѣдко давалъ какому-нибудь изъ находившихся у него во владѣніи селеній названіе по своему прозвищу. Такъ, одинъ изъ мелкихъ удѣльныхъ князей Стародубскаго княжества, Андрей, по прозванію *Коверъ*, имѣлъ въ теперешнемъ Ковровскомъ уѣздѣ удѣлъ, одно изъ селеній котораго сначала называлось *Елифановкой*, потомъ (по построеніи въ немъ церкви Рожд. Христова)—*Рождественной*, наконецъ—

надѣлы, оба брата, тѣмъ не менѣе, именовались князьями Ярославскими, а не по названіямъ своихъ удѣловъ. Но значитъ ли это, что они въ собственномъ смыслѣ были Ярославскими князьями, т. е. были владѣтельными князьями Ярославля? Нѣтъ, такъ какъ извѣстно, что весьма многіе изъ князей, именовавшихся Ярославскими, никогда не занимали Ярославскаго стола, а назывались такъ только, по тому, что или не имѣли въ своихъ удѣлахъ болѣе или менѣе порядочныхъ центровъ, по которымъ бы могли называться, или же по другимъ какимъ-нибудь причинамъ оставались съ родовыми княжескими прозвищами.

Впрочемъ, несмотря на то, что Глѣбъ и Романъ имѣли свои надѣлы, оба названные князя имѣли полную возможность быть на Ярославскомъ столѣ по смерти своего старшаго брата: это былъ бы естественный порядокъ наслѣдованія старшаго стола въ старшей линіи потомковъ Всеволода.

И такимъ образомъ, вопросъ о томъ, кто послѣ Василья Васильевича владѣлъ Ярославскимъ княженіемъ зависитъ отъ рѣшенія другаго вопроса: кто изъ братьевъ пережилъ Василья Васильевича? Но, такъ какъ для рѣшенія послѣдняго вопроса нѣтъ данныхъ, то мы, по необходимости, должны оставить этотъ вопросъ открытымъ.

Поэтому перейдемъ къ обзору княженія старшаго сына Василія, Ивана Васильевича. Этотъ Ярославскій князь появляется на страницахъ лѣтописей съ 1410 года. Въ это время Даніилъ и Иванъ Борисовичи Нижегородскіе напрягали всѣ свои силы, чтобы добиться отчины своей, Нижняго-Новгорода. Въ борьбѣ своей съ великимъ княземъ Московскимъ, борьбѣ, бывшей названнымъ князьямъ не подъ силу, они обращались то къ татарамъ, то къ другимъ инородцамъ. Такъ въ 1410 г. Даніилъ Борисовичъ съ братомъ явились въ Нижегородскую область съ князьями болгарскими, жукотинскими и мордовскими. Великій князь Василій Дмитріевичъ выслалъ противъ нихъ брата своего Петра, съ которымъ были князья Ярославскіе, Ростовскіе и Суздальскіе. Сѣча была злая, по замѣчанію лѣтописца: Борисовичи «сташа на костехъ» (2).

Коврово, конечно, по прозвищу владѣвшаго имъ князя, Андрея *Ковра*; а изъ Коврова образовался потомъ и городъ *Ковровъ*. (Влад. Епарх. Вѣд. 1857 г., № 47: „Истор. замѣтки и преданія о г. Ковровѣ“, *В. Туторскаго*). Точно также можно объяснить наименованія и Діевыхъ Городищъ и Шахова.

(2) Твер. 485; Ник. V, 36.

Въ слѣдующемъ 1411 году, 17 января, Иванъ Васильевичъ справилъ свадьбу дочери своей Маріи, выданной имъ въ замужество за кн. Александра Өеодоровича Тверскаго-Микулинскаго (1), а въ 1412 г. Ярославскій князь былъ въ ордѣ.

Въ началѣ XV в. въ ордѣ произошли важныя перемѣны. Булатъ свергнутъ былъ Темиромъ, который, прогнавъ извѣстнаго Едигея, державшаго въ своихъ рукахъ предшествовавшихъ хановъ, къ Черному морю, въ свою очередь долженъ былъ уступить власть сыну Тахтамыша, Зелени—Салтану, другу Витовта, врага в. кн. Московскаго и друга исконнаго соперника Московскаго властителя, князя Тверскаго. Великій князь Василій Дмитріевичъ, около 20-ти лѣтъ уже не бывавшій въ ордѣ и отказывавшій даже въ дани татарамъ, провѣдавъ о намѣреніи Тверскаго князя ѣхать въ орду, рѣшился, въ 1412 г., лично отправиться на поклонъ къ хану съ цѣлію, конечно, заручиться благорасположеніемъ къ себѣ послѣдняго и устра-

---

(1) П. С. Р. Л. VIII, 81; Ник. V, 13; Кар. V, пр. 254 (выписка изъ лѣтописи). Кажется, на основаніи этихъ источниковъ М. Д. Хмыровъ (№ 815) говоритъ, что Иванъ Васильевичъ имѣлъ двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая неизвѣстная по имени) была выдана за кн. Ярослава Боровскаго. Посмотримъ, однако, вѣрно ли это. Въ первой изъ указанныхъ лѣтописей сказано только, что кн. Ярославъ Владиміровичъ женился на Москвѣ, а во второй—что онъ женился зимой; у Карамзина же говорится, что «женился у Ярославскаго князя». Годъ женитьбы у всѣхъ свой: въ Воскр. 1407, у Кар. 1408, въ Ник.—1409. Ярославскій князь по имени не названъ. Во всякомъ случаѣ жену Ярослава Владиміровича (первую) звали Анной, что видно изъ слѣдующаго мѣста Тверской лѣтоп. стр. 486: «Въ лѣто 6919 (1411). На ту же зиму, мѣсяца декабра въ 1, преставися княины Анна Ярославова (т. е. жена Ярослава) въ Боровствѣ, *княжъ тещи Семенова Василіевича*, и везоша ю въ Ярославль; положиша ю у святаго Спаса въ манастыри, декабря въ 13 день». Въ приведенной лѣтописной записи возбуждаютъ сомнѣніе подчеркнутыя слова. Но не испорчено ли это мѣсто? Намъ думается, что испорчено и что вмѣсто *тещи* надобно читать *дщи*, т. е. «Анна....дочь князя Семена Васильевича». А въ числѣ современныхъ этому году Ярославскихъ князей есть Семенъ Васильевичъ Новленскій, который, какъ нельзя болѣе къ нему подходитъ. За Ярославомъ, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, была *дочь* Семена Васильевича Новленскаго («у князя Ярославскаго»—изъ Ярославскихъ у Новленскаго—такъ мы толкуемъ выраженіе изъ лѣтописной выписки Карамзина). Иначе выйдетъ несообразность: Анна вышла за Ярослава въ 1407 или 1408 г., а умерла въ 1411 г., слѣд. въ замужествѣ была 3 года, не болѣе 4-хъ.

нить возможные навѣты своихъ враговъ (2). Въ этой поѣздкѣ Московскаго князя ему сопутствовалъ, между прочимъ, и Ярославскій князь Иванъ Васильевичъ.

Въ лѣтописяхъ упомянуто объ этой поѣздкѣ въ орду Ивана Васильевича, но затѣмъ имя послѣдняго нельзя встрѣтить на страницахъ лѣтописей въ продолженіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ. Только за два послѣднихъ года жизни Ивана Васильевича онъ два раза отмѣченъ отечественными лѣтописцами. Въ первый разъ-въ 1425 году. Въ этомъ году противъ только-что занявшаго великокняжескій Московскій столъ Василія Васильевича выступилъ, какъ извѣстно, дядя его, Юрій Дмитріевичъ Галицкій. Митрополиту Фотію выпалъ жребій примирить дядю съ племянникомъ и убѣдить перваго не къ перемирію, а къ вѣчному миру. Отправившись съ этою цѣлью въ Галичъ, митрополитъ 23 іюня прибылъ въ Ярославль и здѣсь ужиналъ у кн. Ивана Васильевича, вмѣстѣ съ присутствовавшими родичими послѣдняго. Ярославскіе князья упрашивали владыку отслушать у нихъ на слѣдующій день (Рождество Іоанна Предтечи) литургію, но митрополитъ, вѣроятно, торопясь скорѣе выполнить возложенное на него порученіе, немедленно отправился въ Галичъ (3).

Когда же она успѣла сдѣлаться *тещей*?! Что касается мужа Маріи, дочери Ивана Васильевича, то прот. Троицкій (Исторія губ. г. Ярославля стр. 28, пр. 82 и Ѳ. А. Бычковъ, руководствовавшійся въ этомъ случаѣ, какъ кажется, родословной Головина, въ своихъ «исправленіяхъ къ родословной Артынова», ошибаются, считая Александра Ѳеодоровича кн. Ростовскимъ. Въ Никон. лѣт. (V, 42 подъ 6920 г.) сказано только, что Иванъ Васильевичъ Ярославскій выдалъ дочь свою Марью за кн. Александра Ѳеодоровича, но не сказано, за какого именно. Въ Тверской же лѣтописи непосредственно за вышеприведенной выпиской 6919 г. читаемъ: «Той же зымы, мѣсяца генваря въ 17 день, князь Иванъ Василіевичь Ярославскый выдалъ свою дщерь Марію *въ Тверь* (курсивъ нашъ) за князя Александра Феодоровича». Изъ Тверскихъ князей въ это время существовалъ Александръ Ѳеодоровичъ Микулинскій. Еще разъ возвращаемся къ мнимой первой дочери Ивана Васильевича: если бы Анна была дочь Ивана Васильевича, то въ приведенной выпискѣ лѣтописи (изъ одного и того же года) лѣтописецъ, по нашему мнѣнію, скорѣе сказалъ бы вмѣсто «выдалъ свою дщерь» — «выдалъ *другую* свою дщерь».

(2) Твер. 486; Ник. V, 44.

(3. П. С. Р. Л. VIII, 92; Ник. V, 83—84. Прот. Троицкій (Исторія губ. г. Ярославля, пр. 82) говоритъ, что Фотій 24 іюня ночевалъ въ Ярославлѣ. Въ лѣтописи сказано, что онъ «ни мало

Во второй разъ имя Ивана Васильевича занесено въ лѣтописи въ 1426 году, когда на Руси, не въ первый уже разъ, появилась черная смерть. Хотя въ лѣтописяхъ и не сказано, что Иванъ Васильевичъ умеръ именно отъ этой болѣзни, но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что именно она была причиной его смерти (4).

Отъ брака съ неизвѣстной (5) Иванъ Васильевичъ имѣлъ слѣдующихъ сыновей: Романа, Александра, Василія, Якова—Воина, Семена и дочь Марію, бывшую въ замужествѣ за кн. Александромъ Θеодоровичемъ Тверскимъ—Микулинскимъ (6).

Θеодоръ Васильевичъ.

XIV—XV в.

Послѣ Ивана Васильевича Ярославскимъ княжествомъ владѣлъ слѣдующій за нимъ братъ его, Θеодоръ Васильевичъ.

Этотъ князь извѣстенъ намъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что—отъ брака съ неизвѣстной—онъ имѣлъ единственнаго сына Александра, по прозванію *Брюхатаго*, бывшаго послѣднимъ владѣтельнымъ княземъ Ярославскимъ (7).

Александръ Θеодоровичъ Брюхатый.

1420 + 1471 г.

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя Александра Θеодо-

помотчавъ», отправился въ Галичъ. А что Фотій прибылъ въ Ярославль 23 іюня видно изъ просьбы Ярославскихъ князей *«на утріе» отслушать обѣдню*.

(4) Ibid. V, 262 (подъ 6931 г.); VI, 143; Ник. V, 92. Неизвѣстно, на какомъ основаніи, кн. П. В. Долгоруковъ и Головинъ, въ своихъ родословныхъ, считаютъ годомъ смерти Ивана Васильевича 1428 годъ.

(5) Θ. А. Бычковъ въ своихъ дополненіяхъ къ родословной книгѣ кн. Ярославскихъ по списку Артынова, указываетъ стр. 175 № 82), что за Иваномъ Васильевичемъ была дочь кн. Ивана Владиміровича Бычка—Ростовскаго, Анна. Замѣтимъ, что въ извѣстныхъ намъ печатныхъ родословныхъ не упоминаются однако у князя Ивана Владиміровича Бычка дѣти женскаго пола.

(6) См. прим. выше.

(7) Прот. Троицкій «Исторія губ. г. Ярославля», прим. 81) говоритъ, что сынъ этого Θеодора (а какой, не сказано), во время завоеванія Двинской области Московскими воеводами, въ 1397 и 1398 годахъ, былъ Двинскимъ намѣстникомъ уже при сынѣ Донскаго,

ровича на страницахъ лѣтописей подъ 1436 г. Въ это время шла упорная борьба между вел. кн. Васильемъ Васильевичемъ и дядею его кн. Васильемъ Юрьевичемъ Косымъ Галицкимъ. Еще раньше, въ 1433 году, Василій Косой и братъ его, Дмитрій Шемяка, оскорбленные на свадебномъ пиру великаго князя Василія, мать котораго, Софья Витовтовна, сорвала съ Косаго драгоцѣнный поясъ, бѣжали изъ Москвы въ Галичъ и по пути зашли въ Ярославль, разграбили городъ и похитили также «казны всѣхъ князей» (Ярославскихъ) (8). Кто въ это время былъ княземъ въ Ярославлѣ, Θеодоръ ли Васильевичъ, или же сынъ его Александръ,—неизвѣстно (9). Впрочемъ черезъ два года послѣ описаннаго событія въ Ярославлѣ уже сидѣлъ Александръ Θеодоровичъ.

Василіи. Замѣтимъ, однако, что о. Троицкій взялъ все это изъ примѣчанія издателей къ нижеприводимому документу изъ Актовъ Археографической Экспедиціи. Но, во 1-хъ, у Θеодора Васильевича былъ только одинъ сынъ; во 2-хъ, въ самомъ концѣ XIV в. сынъ Θеодора Васильевича не могъ быть въ такихъ почтенныхъ лѣтахъ, чтобы занимать важную должность намѣстника. Этотъ мнимый сынъ Θеодора оказывается Θеодоромъ Θеодоровичемъ, такъ какъ въ томъ же примѣчаніи о. Троицкій, впрочемъ —опять повторимъ—со словъ издателей, приписываетъ ему грамоту, помѣщенную въ I томѣ Актовъ Арх. Эксп. подъ № 15. Это—жалованная грамота Ярославскаго князя Θеодора Θеодоровича Толгскому монастырю на деревню Кукольцыно. О. Троицкій (или, лучше, издатели актовъ) выводитъ изъ этой грамоты, что Ярославскіе князья, смиренно покорствуя вел. кн. Московскимъ, сохраняли еще нѣкоторую независимость даже и въ началѣ XV в., ибо эту грамоту скрѣпилъ собственною рукою кн. Семенъ Θеодоровичъ, вѣроятно, сынъ кн. Θеодора Васильевича. Прибавимъ отъ себя, что грамота эта не имѣетъ года; издатели въ началѣ ея поставили обычное «около» (1400 г.). Мы уже сказали, что у Θеодора Васильевича былъ только одинъ сынъ, Александръ Брюхатый. Что же это за князья: Θеодоръ и Семенъ Θеодоровичи? Намъ сдается, что это—троюродные братья Александра Θеодоровича *Брюхатаго*, дѣти кн. Θеодора Глѣбовича, который имѣлъ трехъ сыновей: Семена *Щетину*, Ивана *Заську* и Θеодора кн. Ярославскаго.

(8) Ник. V, 113. Отсюда можно заключить, что мелкіе Ярославскіе князья, не занимавшіе Ярославскаго стола, но и не имѣвшіе въ своихъ владѣніяхъ значительныхъ центровъ, проживали въ Ярославлѣ и только потому назывались Ярославскими.

(9) Составитель «Хронологическаго очерка историч. событій въ г. Ярославлѣ» (Яросл. Губ. Вѣд. 1843, № 5) неосновательно говоритъ, что Θеодоръ Васильевичъ умеръ около 1440 года.

Потерпѣвъ, въ 1435 г., пораженіе подъ Ярославлемъ (1), Василій Косой бѣжалъ въ Кашинъ, отсюда—къ Вологдѣ и, наконецъ, въ Кострому, гдѣ началъ собирать войска, пославъ, между прочимъ, и за вятчанами, которые вскорѣ и явились на его зовъ. Между тѣмъ великій князь также выступилъ въ походъ противъ Косаго. Василій Юрьевичъ. готовясь къ битвѣ, послалъ на судахъ къ Ярославлю отрядъ вятчанъ въ числѣ 400 человѣкъ. Предупрежденный объ этомъ движеніи враговъ, Александръ Θеодоровичъ, согласно приказанію великаго князя всталъ въ судахъ съ ярославцами и угличанами, въ количествѣ 700) человѣкъ, у Ярославля, въ устьѣ р. Которости. Вятчане, доплывъ до устья р. Туношны (въ 26 верстахъ отъ Ярославля), не рѣшились далѣе идти, вѣроятно, узнавъ, что не вдалекѣ стоитъ сильный противникъ. Оставивъ свои суда у Туношны, они пѣшими отправились на соединеніе съ кн. Галицкимъ, но, узнавъ на пути отъ бѣжавшихъ съ бою, что галицкіе полки побиты, а самъ кн. Василій Косой взятъ въ плѣнъ, пустились въ обратный путь, внизъ по Которости. Встрѣтивъ по дорогѣ одного монаха, плывшаго вверхъ по рѣкѣ, вятчане спросили его, гдѣ стоитъ князь Александръ. Монахъ, думая, что это—княжіе люди, указалъ вятчанамъ мѣсто стоянки Ярославскаго князя. Тогда эти послѣдніе рѣшились на отчаянное предпріятіе: схватить князя Александра Θеодоровича въ расплохъ во время сна, чему не мало способствовало туманное утро. Сорокъ смѣльчаковъ вятчанъ незамѣтно пробрались къ княжескому шатру, схватили князя и княгиню и на княжескихъ же судахъ стали переправляться на противоположный берегъ Волги.

Воины кн. Александра, пробудившись, въ безпорядкѣ бросились къ оружію, хватали копья, луки и стрѣлы и метали ихъ въ удалявшихся вятчанъ. Послѣдніе, поднявъ топоры и копья надъ головами плѣнниковъ, угрожали, что, если хоть одна стрѣла будетъ пущена ярославцами, князь и княгиня будутъ убиты. Переправившись на другой берегъ Волги, вятчане согласились на выкупъ въ 400 рублей. Но получивъ выкупъ, они не освободили плѣнниковъ, а увезли ихъ въ Вятку. Въ маѣ мѣсяцѣ того-же года вел. кн. Василій Васильевичъ, узнавъ объ этомъ вѣроломномъ поступкѣ союзниковъ Косаго, прика-

(1) Свѣдѣнія о тогдашнихъ военныхъ событіяхъ въ предѣлахъ теперешней Ярославской губ. см. въ статьѣ *С. Серебренникова*: «Послѣднія междоусобія князей русскихъ и битвы ихъ въ Ярославской, Ростовской и Угличской областяхъ. Эпизодъ изъ неизданной исторіи г. Ярославля)» въ Яросл. Губ. Вѣд. 1855 г., № 7-8.

залъ ослѣпить послѣдняго. Между тѣмъ вятчане, видя, по послѣдующимъ событіямъ, что сила остается на сторонѣ великаго князя и что имъ безполезно и опасно держать у себя плѣнниковъ, отпустили ихъ домой (1).

Въ 1463 году случилось два важныхъ событія, касающихся исключительно Ярославля: во 1-хъ, обрѣтены мощи предковъ Александра Θеодоровича: Θеодора Ростиславича Чернаго и дѣтей его, Давида и Константина (2); во 2-хъ, благодаря хлопотамъ великокняжескаго дьяка, Алексѣя Полуехтова, Ярославскіе князья уступили вотчины свои, конечно, за соотвѣтственное вознагражденіе, великому князю (3).

Александръ Θеодоровичъ скончался въ Ярославлѣ 17 апрѣля 1471 г. и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ (4). Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ сына Даніила, по прозванію *Пенко*, бывшаго уже московскимъ бояриномъ. Онъ былъ родоначальникомъ угасшаго рода князей *Пенковыхъ*.

---

*) См. №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

(1) Архангел. лѣт. 122—124.

(2) См. прим. выше.

(3) П. С. Р. Л. IV, 148; Архангел. лѣт. 140. Четвертая Новгородская лѣтопись, говоря объ обрѣтеніи мощей свв. Ярославскихъ князей, присовокупляетъ: «почяло отъ гроба ихъ людей прощати (исцѣлять) много»,—и, какъ бы съ ироніей, продолжаетъ: «А княземъ Ярославскимъ прощеніе же доспѣлося со всѣми вотчинами, отдавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а печалованіемъ изъ старины Олексѣевымъ Полуехтовича, діака великаго князя».

(4) П. С. Р. Л. VI, 191. Такъ какъ Александръ Θеодоровичъ, уступивъ отчину свою великому князю, оставался до смерти своей въ Ярославлѣ, то можно полагать, что отчина была уступлена имъ Московскому князю на изв стныхъ условіяхъ, по которымъ онъ пользовался чѣмъ нибудь отъ Ярославля. Вообще, Ярославскіе князья, уступая свои отчины великому князю Московскому, уступали ему только права владѣтельныхъ князей, а сами оставались простыми собственниками своихъ отчинъ, земли которыхъ могли отчуждать, дарить и пр. Такъ сынъ Александра Θеодоровича, Даніилъ, свободно мѣняетъ деревни, подтверждаетъ жалованныя грамоты отца и дѣда и пр. (Дополн. къ Акт. Ист. I, № 20—21).

Общее замѣчаніе относительно прочихъ князей Ярославскихъ, не занимавшихъ Ярославскаго стола, но и не носившихъ прозвищъ по своимъ удѣламъ.

Ярославское княженіе начало дробиться съ дѣтей Давида Ѳеодоровича. Давидъ Ѳеодоровичъ, какъ мы видѣли, имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ Василій *Грозный* (или *Грозныя-очи*), какъ старшій, занялъ Ярославль, а младшій, Михаилъ получилъ въ удѣлъ Мологскую область. Ярославль до конца своего самостоятельнаго существованія оставался въ потомствѣ старшаго изъ братьевъ—Василія, а Молога—въ потомствѣ младшаго—Михаила. Такимъ образомъ изъ прежде единоцѣлаго Ярославскаго княжества образовалось какъ бы два центра, изъ которыхъ въ свою очередь выдѣлились болѣе мелкія самостоятельныя единицы. Съ образованіемъ мелкихъ удѣловъ, князь Ярославля, какъ главнаго центра, по отношенію къ другимъ князьямъ, сталъ называться великимъ: уже Василій Давидовичъ называется великимъ княземъ Ярославскимъ (1). Василій Давидовичъ занималъ главный столъ до своей смерти, т. е. до 1345 года. Затѣмъ Ярославскій столъ занятъ былъ старшимъ сыномъ его, Василіемъ, у котораго было два брата, Глѣбъ и Романъ. Несомнѣнно, что эти послѣдніе имѣли также надѣлы, но по неизвѣстнымъ причинамъ не приняли прозвищъ по своимъ удѣламъ, почему и считаются вообще князьями Ярославскими. Какъ уже нами было замѣчено, годъ смерти старшаго изъ сыновей Василія Грознаго, Василья Васильевича неизвѣстенъ, какъ неизвѣстны также годы кончины и братьевъ его, а потому и нельзя съ достовѣрностью сказать, кто послѣ Василья Васильевича занималъ главный столъ Ярославскаго княжества: сынъ ли его, Иванъ большой Васильевичъ, или который-нибудь изъ его братьевъ. Кажется, можно принять за несомнѣнное, что Глѣбъ умеръ раньше обоихъ своихъ братьевъ, въ виду того обстоятельства, что онъ не упоминается въ числѣ князей, принимавшихъ участіе въ походѣ на Тверь (1375 г.) и въ Куликовской битвѣ (1380 г.), между тѣмъ, какъ старшій и младшій братья участвовали въ этихъ походахъ. Если Романъ и занималъ Ярославскій столъ (чего, впрочемъ, ни откуда не видно), то, во всякомъ случаѣ, послѣ него въ Ярославлѣ сидѣлъ сынъ Василья Васильевича, Иванъ большой, княжившій до 1426 года. Затѣмъ въ 10-лѣтній промежутокъ времени, до 1436 года, лѣтописцы ничего не говорятъ о Ярославскомъ князѣ. Можно,

---

(1) Ник. III, 167.

однако, считать за достовѣрное, что въ указанный промежутокъ времени въ Ярославлѣ сидѣлъ Ѳеодоръ Васильевичъ, братья котораго уже имѣли собственные удѣлы. Между прочимъ, доказательствомъ этого можетъ служить жалованная (на земли) грамота (1497 г. августа 9) внука Ѳеодора Даніила Александровича *Пенка* Спасокаменному монастырю (1), которая начинается слѣдующими словами: «*По дѣда своего грамотамъ, князя Ѳеодора Васильевича*, и по отца своего грамотамъ, князя Александра Ѳедоровича» и проч. Очевидно, что монастырю жаловались земли, принадлежавшія Ярославскимъ князьямъ, каковыми несомнѣнно были: Александръ Ѳеодоровичъ и отецъ его. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ родословныхъ (напр., въ родословныхъ «Временника») прямо говорится, что Ѳеодоръ «былъ послѣ *отца своего* на княженіи на Ярославлѣ» (2).—Вотъ въ какомъ преемствѣ переходилъ главный столъ Ярославскаго княжества въ старшей линіи потомства Давида Ѳеодоровича. Какъ выше уже было замѣчено, изъ семейства Ярославскихъ (великихъ) князей выдѣлились болѣе мелкіе самостоятельные князья, какъ Новленскіе и др., о которыхъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди. Но кромѣ такихъ князей, носившихъ прозвища по своимъ удѣламъ, было еще много князей, не занимавшихъ, какъ выражаются родословныя, «большаго княженія», т. е. самаго Ярославля, но не имѣвшихъ прозвищъ и по своимъ удѣламъ, а остававшихся съ родовымъ прозвищемъ вообще Ярославскихъ князей. Такъ какъ эти князья извѣстны намъ исключительно по родословнымъ, въ которыхъ при томъ занесено только о ихъ существованіи и продолженіи отъ нихъ потомства, то о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности говорить мы не будемъ, а сдѣлаемъ имъ только перечень, для того, чтобы показать, отъ кого какія княжескія фамиліи происходятъ.—Такъ какъ о всѣхъ

---

(1) Доп. къ Акт. истор. I, № 21.

(2) См. родословную во «Временникѣ», кн. 10, стр. 55 (во II отд.). Эта родословная говоритъ, что Ѳеодоръ послѣ отца занималъ Ярославль, а другая родословная (ibid. стр. 147) прямо заявляетъ, что Иванъ Васильевичъ старшій братъ Ѳеодора, „на княженіи не былъ", что Ѳеодоръ „послѣ отца на большомъ княженіи былъ на Ярославлѣ". Какимъ же образомъ при жизни старшаго брата главный столъ могъ занимать младшій? Въ 1425 г. митрополитъ Фотій останавливался въ Ярославлѣ у кн. Ивана Васильевича, конечно, какъ у старшаго изъ Ярославскихъ князей. Несомнѣнно, тутъ въ родословныхъ—ошибка, которую трудно объяснить.

внукахъ Давида Θеодоровича мы уже говорили выше, то начнемъ прямо съ его правнуковъ. Замѣтимъ, что для порядка и наглядности мы будемъ перечислять всѣхъ дѣтей его правнуковъ, не исключая и тѣхъ, которые занимали Ярославскій столъ, такъ какъ и отъ нихъ непосредственно произошли нѣкоторыя княжескія фамиліи.

У старшаго сына Василія Давидовича *Грознаго*, Василья Васильевича, было пять сыновей: 1) Иванъ большой и 2) Θеодоръ—одинъ послѣ другаго, занимавшіе Ярославскій столъ; 3) Семенъ *Новленскій;* 4) Дмитрій *Заозерскій* и 5) Иванъ—Воинъ *Ярославскій,* умершій бездѣтнымъ.

У Ивана большаго Васильевича было также пять сыновей: 1) Романъ, 2) Александръ (воевода, убитый въ 1455 г. въ битвѣ съ казанцами на Арскомъ полѣ), не оставившій послѣ себя потомства, 3) Василій (всѣ три прозывались кн. Ярославскими), 4) Яковъ-Воинъ (†1455) и 5) Семенъ, кн. *Курбскіе*, о которыхъ будемъ говорить ниже, и дочь Марія, бывшая за кн. Александромъ Θеодоровичемъ Тверскимъ—Микулинскимъ.

У Романа Ивановича было четыре сына: 1) Θеодоръ, 2) Левъ, 3) Петръ, умершій бездѣтнымъ, и 4) Семенъ (бояринъ † 1502), князья Ярославскіе.

Старшій сынъ кн. Θеодора Романовича, Θеодоръ Θеодоровичъ, по прозванію *Алабышъ*, былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Алабышевыхъ*; второй, Василій *Мамонъ*, умеръ бездѣтнымъ; третій и послѣдній, Александръ, по прозванію *Аленка*, былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Аленкиныхъ*.

Изъ дѣтей Льва Романовича отмѣтимъ одного Михаила, по прозванію *Троекура*, который былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Троекуровыхъ*. Одинъ изъ сыновей Михаила, Семенъ, носилъ прозвище *Тюмень*, отъ него то нѣкоторыя (1)

---

(1) См. „Родословіе Ярославскихъ владѣтельныхъ князей“ – родословная таблица на листѣ. Ссылку на это «Родословіе», какъ кажется, мы встрѣтили въ брошюрѣ «Іерархи Ростовско-Ярославской епархіи»; въ этой ссылкѣ авторомъ «Родословія» названъ С. Серебрениковъ,—а годъ и мѣсто изданія—Спб. 1838, чего, впрочемъ, нѣтъ на самомъ листѣ «Родословія». Замѣтимъ, однако, что вѣдь и «Путеводитель по Ярославской губерніи» цитируется (напр. у К. Н. Бестужева-Рюмина) съ именемъ Θ. Я. Никольскаго, перу котораго несомнѣнно онъ принадлежитъ, между тѣмъ какъ въ оглавленіи книги красуется только имя издателя.

позднѣйшія родословныя (самопроизвольно) производятъ князей *Тюменскихъ* (1).

У Семена Романовича было три сына: Константинъ, по прозванію *Сисей*, Петръ *Кривой* и Иванъ *Семейка* (†1514 подъ Оршей). Изъ нихъ старшій, Константинъ, былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Сисеевыхъ*.

Нѣкоторыя родословныя производятъ отъ внука кн. Давида Ѳеодоровича, Василья Васильевича—однѣ отъ старшаго сына его Ивана, другія—отъ втораго сына, Ѳеодора,—князей *Романовичей*; позднѣйшія же родословныя производятъ этихъ князей отъ кн. Романа Ивановича (2).

У Василья Ивановича, Романова брата, было три сына (по нѣкоторымъ родословнымъ 4): 1) бездѣтный Юрій, 2) Даніилъ, отецъ Давыда *Хромаго*, и 3) Василій, по прозванію *Шастунъ* (прибавляютъ еще бездѣтнаго Ѳеодора). Василій Васильевичъ *Шастунъ* (бояринъ, † 1495) былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Гагиныхъ* и *Шастуновыхъ*. Старшій сынъ его Петръ имѣлъ прозвище *Великого*, почему потомки его писались князьями или *Гагиными*, или *Великогагиными*.

У втораго внука Василія *Грознаго*, отъ старшаго его сына, у Ѳеодора Васильевича былъ единственный сынъ Александръ Ѳеодоровичъ *Брюхатый*, послѣдній владѣтельный князь Ярославскій (3). Единственный сынъ Александра Даніилъ, по

---

(1) Кажется, что Серебрениковъ въ упомянутомъ въ предъидущемъ примѣчаніи «Родословіи»—или самъ отъ себя произвелъ родъ князей Тюменскихъ изъ прозвища *Тюмень*, или же заимствовалъ это изъ «Краткаго историческаго повѣствія о началѣ родовъ князей россійскихъ» (Москва 1785), авторъ котораго дѣйствительно производитъ родъ кн. Тюменскихъ отъ кн. Семена Михайловича. Изъ описанія родословныхъ (во введеніи къ «Повѣствію»), которыми пользовался авторъ «Повѣствія», видно, что эти послѣднія—не что иное, какъ родословныя «Временника», или—во всякомъ случаѣ—одной съ ними редакціи. Въ родословныхъ же «Временника» мы находимъ у кн. Семена Михайловича одно только прозвище *Тюмень*, но никакого указанія на то, чтобы отъ него происходилъ родъ *кн. Тюменскихъ*. Слѣд. и авторъ «Повѣствія» поступилъ въ данномъ случаѣ самопроизвольно.

(2) Романовичей находимъ и въ Бархатной книгѣ и въ родословныхъ «Временника», гдѣ, какъ сказано въ текстѣ, происхожденіе ихъ указывается различно, но, во всякомъ случаѣ, отъ Василья Васильевича, старшаго внука Давида Ѳеодоровича.

(3) Не знаемъ, на какомъ основаніи С. М. Соловьевъ («Ист. Рос.» IV, 60 М. 1854) называетъ Александра Ѳеодоровича, говоря

прозванію *Пенко* (бояринъ † 1520), былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Пенковыхъ* (4).

Остальные внуки Василія *Грознаго*, сыновья Василія Васильевича—Семенъ и Дмитрій—занимали самостоятельные удѣлы. Самый же младшій изъ его внуковъ Иванъ—Воинъ, извѣстный подъ родовымъ прозвищемъ *Кн. Ярославскаго*, умеръ бездѣтнымъ.

У брата Василья Васильевича, Глѣба Васильевича Ярославскаго, было три сына: Иванъ, Ѳеодоръ и Константинъ *Ярославскіе*.

Дѣти Ивана Глѣбовича: Василій, Михаилъ, Ѳеодоръ и Романъ извѣстны подъ общимъ родовымъ прозвищемъ князей *Ярославскихъ*.

Ѳеодоръ Глѣбовичъ имѣлъ трехъ сыновей: Семена, по прозванію *Щетину*, Ивана *Заську* и бездѣтнаго Ѳеодора, князя *Ярославскаго*.

У Семена *Щетины* было два сына: Василій *Щетининъ*, родоначальникъ князей *Щетининыхъ*, и Владиміръ, по прозванію *Темносиній*.

У Владиміра Семеновича было два сына: Василій *Темносиній*, младшій сынъ котораго Петръ, по прозванію *Заська*, былъ родоначальникомъ старшей вѣтви угасшихъ князей *Заськиныхъ*, и Дмитрій, по прозванію *Сандырь*, родоначальникъ угасшихъ же князей *Сандыревыхъ*.

У втораго сына Ѳеодора Глѣбовича, у Ивана *Заськи* было четыре сына,—изъ которыхъ отъ каждаго произошли княжескіе роды: Иванъ старшій *Заськинъ*, по прозванію *Бородатый-дуракъ*, былъ родоначальникомъ второй угасшей вѣтви князей *Заськиныхъ*; второй сынъ, Дмитрій *Заськинъ-Солнце*—родоначальникъ князей *Сонцовыхъ* и *Сонцовыхъ-Заськиныхъ*; Иванъ младшій *Заськинъ—Жировой*, родоначальникъ угасшихъ князей *Жировыхъ—Заськиныхъ*, и, накопецъ, Давидъ, родоначаль-

---

о плѣненіи его вятчанами въ 1436 г.) великокняжескимъ воеводой. По крайней мѣрѣ, *въ это время* онъ былъ еще самостоятельнымъ княземъ, и если нѣкоторые князья мелкіе, не оставляя своихъ правъ князей владѣтельныхъ, и служили московскими воеводами (какъ это мы высказываемъ предположительно въ текстѣ),—конечно, по матеріальнымъ нуждамъ,—то Александру Ѳеодоровичу, занимавшему главный столъ Ярославскаго княжества (даже *великому князю*, по Степ. кн. I, 398), не предстояло еще необходимости записываться въ Московскіе воеводы.

(4) Ср. прим. выше.

никъ младшей вѣтви князей *Засѣкиныхъ*. Отъ третьяго сына Глѣба Васильевича, Константина, по прозванію *Шаха*, происходятъ князья *Шаховскіе*.

Перейдемъ теперь къ потомству третьяго сына Василія *Грознаго*, Романа Васильевича, у коего было шесть сыновей: Иванъ, по прозванію *Неблагословенный-Свистунъ*, Дмитрій, Василій, Даніилъ, Илья и Андрей, князья *Ярославскіе*. Изъ нихъ послѣдніе два не имѣли потомства.

У старшаго сына Романа, у Ивана Романовича, было два сына: Θеодоръ, прозваніемъ *Моржка*—родоначальникъ князей *Моржкиныхъ* и угасшихъ князей *Бѣльскихъ* (происшедшихъ отъ его праправнука, кн. Василія Ивановича), и Аθанасій—Андрей *Шехонскій*, родоначальникъ князей *Шехонскихъ* (о которыхъ будетъ говорено ниже).

У Дмитрія Романовича было два сына: Иванъ и Василій, князья Ярославскіе. Старшій Иванъ, по прозванію *Дѣй*, былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Дѣевыхъ* (1).

У четвертаго Романова сына, у Даніила Романовича, было два сына: Левъ, по прозванію *Зубатый*, и Василій *Ухорскій*. Младшій изъ братьевъ, Василій занималъ самостоятельный удѣлъ и о немъ будетъ сказано ниже. Что же касается до старшаго брата, кн. Льва *Зубатаго*, то онъ былъ родоначальникомъ: а) князей *Вѣкошкиныхъ*, нынѣ старшей вѣтви рода князей *Львовыхъ*; б) угасшихъ князей *Зубатыхъ* и в) князей *Луговскихъ*, нынѣ младшей вѣтви рода князей *Львовыхъ*.

Въ числѣ перечисленныхъ князей, какъ мы видѣли, многіе занимали самостоятельные удѣлы; но о большинствѣ изъ этихъ князей намъ ничего неизвѣстно, касательно ихъ удѣловъ. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ князей, носившихъ родовое прозвище кн. Ярославскихъ, еще ранѣе полнаго паденія самостоятельности Ярославскаго княжества, находились уже въ службѣ у Московскихъ великихъ князей. Такъ Иванъ Θеодоровичъ *Засѣка*, правнукъ Василія Грознаго, а также Александръ и Иванъ-Воинъ Ивановичи, дѣти Ивана большаго Васильевича, были воеводами московскихъ полковъ въ походѣ на Казань и

(1) Въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ Шемякой и Дмитріемъ Краснымъ, отъ 1440 г. іюня 24 (С. г. г. и д. I, № 60) объ Иванѣ Засѣкѣ говорится: «а что князь Иванъ Засѣка на поруцѣ во стѣ рубляхъ, и мнѣ (Василію Темному) съ него порука свести". Такимъ образомъ Иванъ Θеодоровичъ сдѣлался служилымъ княземъ еще ранѣе 1440 года.

пали на Арскомъ полѣ въ 1455 году (1).—Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что даже Александръ Θеодоровичъ *Брюхатый* названъ у С. М. Соловьева московскимъ воеводой еще въ то время, когда онъ былъ самостоятельнымъ княземъ Ярославля, при чемъ историкъ ссылается на Разрядныя книги Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Если приведенное историкомъ извѣстіе справедливо, то надобно тѣмъ болѣе допустить, что и мелкіе князья удѣльные, сохраняя свои удѣлы, могли въ то же время находиться на московской службѣ. Но были ли въ такомъ положеніи и упомянутые князья Ярославскіе-Александръ и Иванъ-Воинъ Ивановичи? Во всякомъ случаѣ это вопросъ любопытный, но, сколько намъ извѣстно, еще никѣмъ, кажется, незатронутый.

II. Второстепенные удѣльные Ярославскіе князья.

Изъ Ярославскаго княжества, съ начала XIV в., начали выдѣляться мелкія княжества, и прежде всѣхъ выдѣлилось княжество Мологское.

Мологскій край издавна принадлежалъ Ростовскимъ князьямъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ эпизода борьбы великаго князя Кіевскаго, Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ. Въ 1149 г. Изяславъ Мстиславичъ съ новгородцами, псковичами и корелами внесъ огонь и мечь въ Ростовскую землю: отъ устья р. Медвѣдицы силы его направились къ Угличу и далѣе, къ устью р. Мологи, предавая огню и мечу *города* и селенія, встрѣчавшіеся на пути (2). Въ 1149 году Молога упоминается въ первый разъ, и если Изяславъ опустошалъ этотъ край, то опустошалъ какъ принадлежность врага своего, Юрія. Въ 1218 г., какъ мы уже видѣли, Константинъ Всеволодовичъ отдалъ этотъ край вмѣстѣ съ Ярославлемъ второму сыну своему, Всеволоду—Ивану. Правнукъ этого послѣдняго (по женской линіи), Давидъ Θеодоровичъ (†1321), оставилъ, какъ извѣстно, двухъ сыновей, изъ которыхъ стар-

———

(1) Родосл. кн. Долгорукова, I, 148.

(2) П. С. Р. Л. I, 139; II, 40, 299; III, 10; IV, 8; V, 159; VII, 45. Однѣ изъ указанныхъ лѣтописей относятъ это событіе къ 1148, другія—къ 1149 году. Что касается вопроса о *городахъ*, которые предавалъ огню Изяславъ, на пути отъ устья Медвѣдицы до устья Мологи, то его, какъ мало идущаго къ цѣли нашего труда и требующаго спеціальнаго разслѣдованія, мы оставляемъ въ сторонѣ.

шій занялъ Ярославль,—а младшій, Михаилъ, получилъ въ удѣлъ Мологскій край. Такимъ образомъ отъ Михаила и начался рядъ удѣльныхъ Мологскихъ князей.

О томъ, гдѣ Михаилъ Давидовичъ, по полученіи удѣла, поселился, мы собственно ничего не знаемъ. Извѣстно только, что въ среднемъ и нижнемъ теченіи Мологи и далѣе вверхъ по теченію Волги и въ то уже время было не мало поселеній; въ одномъ изъ этихъ селеній, вѣроятно, и имѣлъ свое мѣстопребываніе первый удѣльный Мологскій князь. Только впослѣдствіи, уже во второй половинѣ XIV в., мы встрѣчаемъ и упоминаніе о *городѣ* Мологѣ. Именно въ 1371 г., находившійся въ сильной враждѣ съ вел. кн. Московскимъ Дмитріемъ Ивановичемъ, князь Михаилъ Тверской, пользуясь отъѣздомъ своего соперника въ орду, бросился на Кострому, но «не дошедъ еа, възвратися и взя *городъ* Мологу и огнемъ пожже» (1), уже какъ главный городъ удѣла Мологскаго князя, союзника кн. Московскаго. Такимъ образомъ по имѣющимся даннымъ можно предполагать, что на мѣстѣ нынѣшняго города Мологи, можетъ быть еще много ранѣе XIV в., было селеніе, получившее потомъ названіе Мологи, и что въ немъ то именно и поселился Михаилъ Давидовичъ. Изъ книги Большаго Чертежа мы узнаемъ, что при устьѣ Мологи былъ въ XIV в. Холопій монастырь, получившій свое названіе отъ бывшаго тамъ же Холопьяго городка, славившагося своей ярмаркой и извѣстнаго намъ изъ духовной вел. кн. Ивана III Васильевича (2).

(1) П. С. Р. Л. I, 231; IV. 66; V, 231; VIII, 18 Ник. IV, 30-также въ «Лѣт. служ. прод. Нест.» въ «Архаиг.» подъ означеннымъ годомъ. Молога названа городомъ собственно только въ Воскресенской лѣтописи; въ остальныхъ просто сказано, что Михаилъ взялъ и сжегъ Мологу.

(2) Въ Большомъ Чертежѣ (изд. Спасскимъ, стр. 134 и прим. къ этой стр.) сказано: «А ниже Кашина (конечно, по теченію Волги) 70 верстъ пала въ Волгу рѣка Молога, а на усть рѣки Мологи монастырь Холопей.» Варіантъ: «А ниже Углича 60 верстъ...» Иная редакція: «Два посада дворцовые. А выше тѣхъ двухъ посадовъ на рѣкѣ Мологѣ на правомъ берегу обитель пресвятыя и живоначальныя Троицы Аоанасьевъ монастырь (и теперь существуетъ въ Мологѣ), что словетъ Холопей монастырь.» Этотъ Холопій монастырь получилъ свое названіе отъ бывшаго тамъ Холопьяго городка, о которомъ въ духовной Ивана III (Древн. росс. вивліоѳика, изд. второе, т. II, 424) читаемъ: «Городъ Мологу изъ (и съ ?) Глѣбовыхъ вотчиною, и съѣзы на Волзѣ и на Молозѣ со всемъ потому, какъ было при мнѣ.» (Это великій князь остав-

Перейдемъ теперь къ небогатому фактами княженію перваго удѣльнаго князя Мологскаго.

I. Князья Мологскіе.

а) Собственно Мологскіе князья.

Михаилъ Давидовичъ.

1321—(годъ смерти его отца.)—1362.

О годѣ рожденія Михаила Давидовича извѣстій до насъ не дошло; не знаемъ также и о времени полученія имъ въ

ляетъ въ своемъ завѣщаніи сыну Дмитрію). Далѣе: «А что есми селъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, и тотъ торгъ торгуютъ на Молозѣ съѣзжаяся, какъ были при мнѣ. А сынъ мой Дмитрей емлетъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавливаетъ ничего; а сынъ мой Василей и мои дѣти того торгу на свои земли не сводятъ, ни заповѣди въ своихъ земляхъ не чинятъ къ тому торгу ѣздити». Видно изъ этого отрывка, что между Холопьимъ городкомъ и г. Мологой есть разница: они не смѣшиваются одинъ съ другимъ и были одинъ отъ другого на извѣстномъ разстояніи. Нѣкто діаконъ Каменевичъ Рвовскій, жившій въ концѣ XVII в. и нѣкоторое время бывшій въ Холопьемъ монастырѣ, въ своемъ произведеніи: «О древностяхъ Россійскаго Государства» (см. въ прим. къ Ист. Карамз.), говоря о богатствѣ помянутой ярмарки и разноплеменности собиравшихся на нее купцовъ указываетъ, что Холопій городокъ былъ на р. Мологѣ, въ 60 верстахъ отъ ея устья. Замѣтимъ, кстати, что въ разсказахъ этого діаконао древнѣйшихъ событіяхъ того края есть много басенъ, которымъ, впрочемъ, нѣкоторые мѣстные любители (прот. Троицкій въ Ист. губ. г. Ярославля) исторической старины склонны давать вѣру, напр., о томъ, что еще Ольга, объѣзжая свои владѣнія, «уставляюще уставы и уроки», забавлялась охотой на берегахъ Волги, что на берегу Волги, въ верстѣ отъ устья Мологи, былъ еще во времена Каменевича большой камень, называвшійся *Ольгинымъ*; что тогда же съ ней былъ сынъ ея Святославъ, который въ окрестностяхъ одного небольшаго озера ловилъ кречетовъ и назвалъ озеро по своему имени *Святославлемъ*, что теперь, т.—е въ XVII в., оно называется *Святымъ* и пр. пр. Спасскій въ примѣчаніяхъ къ книгѣ Большаго Чертежа ошибочно говоритъ, что Холопій монастырь извѣстенъ теперь подъ именемъ Колязина, названнаго такъ по землевладѣльцу Колягѣ, и ссылается на Щекатова у котораго, впрочемъ, ничего подобнаго нѣтъ.

удѣлъ отъ отца Мологскаго края (1). Только одинъ фактъ изъ его жизни занесенъ въ наши лѣтописи. Въ 1361 г. въ сѣверо-восточной Руси шла упорная борьба за велико-княжескій столъ между наслѣдникомъ великаго князя Московскаго Ивана Ивановича Дмитріемъ, и Суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ, около которыхъ группировались тогдашніе болѣе мелкіе удѣльные князья. Въ то же время въ ордѣ происходили постоянные мятежи и убійства. Такъ, одинъ изъ татарскихъ полководцевъ, Хидырь, кочевавшій за Ураломъ, убивъ Навруса и царицу Тайдулу, сдѣлался ханомъ; но, въ свою очередь, и самъ былъ убитъ сыномъ своимъ, Темирхожей. Въ седьмый день царствованія Темирхожи «темникъ его Мамай заняте всѣмъ царствомъ его». Послѣдній провозгласилъ ханомъ какого-то Авдула и, по убіеніи Темирхожи, ушелъ на правый берегъ Волги, между тѣмъ какъ и въ Сараѣ явился въ свою очередь ханъ Муруть, братъ Хидыря. Въ этомъ то году былъ въ ордѣ Дмитрій Ивановичъ Московскій, который выѣхалъ оттуда до убіенія Хидыря. Другіе же князья, какъ-то: Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, тогда еще великій князь, старшій братъ его Андрей, кн. Константинъ Ростовскій и Михаилъ Давидовичъ Мологскій (2) по-

---

(1) Въ Мологскомъ Аѳанасьевскомъ женскомъ монастырѣ существуетъ преданіе, что Михаилъ, отправляясь въ свой удѣлъ, получилъ отъ отца въ благословленіе Тихвинскую икону Божіей Матери, которая и понынѣ находится въ Аѳанасьевскомъ монастырѣ. Такимъ образомъ, по этому преданію, Михаилъ занялъ Мологскій удѣлъ еще при жизни отца. См. статью прот. *I Троицкаго:* «Исторія Мологской страны, княжествъ, въ ней бывшихъ, и города Мологи,» въ «Памятной книжкѣ Ярославской губ. на 1862 г.» или въ Яросл. Губ. Вѣд. 1863 г., №№ 33—34. Отъ себя же о. Троицкій говоритъ, что Ярославское княжество раздѣлилось на двѣ части *по смерти* Давида. То же у С. С. въ ст. „Историческій взглядъ на г. Мологу“ (въ Яросл. Губ. Вѣд. 1842 г., № 40).

(2). П. С. Р. Л. V 229; VIII 11; Ник. III, 217, Архангел. 99. Во всѣхъ названныхъ лѣтописяхъ Михаилъ названъ Ярославскимъ (по главному центру княжества).—Въ первой Новгородской лѣтописи (т. III, 80), подъ 1340 годомъ, говорится, что вел. кн. Симеонъ Ивановичъ, по приходѣ изъ орды, послалъ въ Торжокъ сборщиковъ дани, которые «почаша силно дѣяти». Граждане обратились за помощью противъ насильниковъ къ Новгороду, и послѣдній послалъ къ нимъ свои полки, которые „изымаша намѣстниковъ князя Михаила Давыдовича, Ивана Рыбкина сына‘ и т. д. Строевъ въ своемъ указателѣ къ Исторіи Карамзина видитъ въ упомянутомъ здѣсь Михаилѣ Давидовичѣ именно князя Михаи-

ѣхали въ орду позднѣе, и прибыли туда уже тогда, когда Хидырь былъ убитъ и въ ордѣ поднялась всеобщая, какъ характерно выражаются лѣтописи, «замятня». Князья поспѣшили удалиться отъ этой опасной бури; но нѣкоторые всетаки дорого поплатились, напр. князья Ростовскіе, которые были совсѣмъ ограблены. Трудно объяснить, зачѣмъ Михаилъ Давидовичъ ѣздилъ въ орду, и *вмѣстѣ* ли съ упомянутыми князьями, или только *одновременно*. Предположить, что онъ былъ на сторонѣ князя Суздальскаго, также невозможно, потому что еще съ Ивана Калиты Ярославскіе князья волей—неволей, должны были стать подъ руку князя Московскаго. Возможнѣе всего, что Михаилъ Мологскій ѣздилъ къ Хидырю съ дарами, какъ къ новому хану, и, вѣроятно, «про свою отчину», какъ выражаются лѣтописи (3), чего не успѣлъ, по чему-либо, сдѣлать раньше.

По родословнымъ книгамъ Михаилъ Давидовичъ имѣлъ, отъ брака съ неизвѣстной, трехъ сыновей: Θеодора, Ивана и Льва, князей Мологскихъ.

Θеодоръ Михайловичъ.

1355 + 1408 г.

Послѣ Михаила Давидовича на Мологскомъ удѣлѣ сидѣлъ старшій сынъ его, Θеодоръ, который въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1375 годомъ. Въ этомъ году, вмѣстѣ съ своими двоюродными братьями Василіемъ и Романомъ Васильевичами князьями Ярославскими, Θеодоръ Михайловичъ принималъ участіе въ походѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича на

ла Мологскаго. Если поставить запятую передъ словомъ *князя*, то Михаилъ Давыдовичъ, конечно, выйдетъ княземъ. Но не лучше ли сдѣлать наоборотъ, какъ это и сдѣлано у Карамзина? Мы, по крайней мѣрѣ, принимаемъ послѣднее.—Намъ неизвѣстенъ годъ кончины Михаила Давидовича, а равно и то, при комъ сожжена была въ 1371 г. Молога Михаиломъ Тверскимъ. Ср. прим. ниже.

(3) Можно было бы сдѣлать еще предположеніе о томъ, что Михаилъ поневолѣ ѣздилъ съ Дмитріемъ Константиновичемъ, тогда еще бывшимъ на великокняжескомъ столѣ. Но едва-ли Михаилъ могъ забыть урокъ, данный Калитой, почти при такихъ же обстоятельствахъ, старшему его брату Василію Ярославскому.

Тверь (1). Затѣмъ, въ 1380 г., онъ участвовалъ въ Куликовской битвѣ, занимая мѣсто на лѣвомъ крылѣ (2).

Θеодоръ Михайловичъ скончался въ 1408 г. апрѣля 6-го, принявъ передъ смертью иноческій чинъ съ именемъ Θеодорита (3); погребенъ онъ въ Мологской соборной церкви.

Отъ брака съ неизвѣстной онъ имѣлъ сыновей: Василія, кн. Мологскаго, родъ котораго прекратился на сынѣ его, Дмитріи *Слѣпомъ*; Семена, кн. *Сицкаго* (или Ситскаго), родоначальника угасшихъ князей *Сицкихъ*; Дмитрія, прозваніемъ *Перину*, князя Мологскаго, родоначальника угасшихъ князей *Мологскихъ*; Ивана, кн. *Прозоровскаго*, и дочь, неизвѣстную намъ по име-

---

(1) П. С. Р. Л. IV, 70, V, 233, Ник. IV, 42—44. Въ Тверской лѣт. стр. 435 читаемъ: „А се князи были рускы съ великимъ княземъ Дмитріемъ..... кн. Василей Васильевичь ярославской кн. Романъ, кн. *Θеодоръ можайскый*" и пр. До 1303 г. Можайскъ былъ Смоленскимъ удѣломъ, а по взятіи его въ указанномъ году Юріемъ Даниловичемъ, онъ составлялъ часть Московскаго княжества и до 1389 г. удѣльныхъ князей не имѣлъ, да и послѣ 1389 г. между можайскими князьями не было ни одного князя съ именемъ Θеодора. Очевидно, въ указанномъ мѣстѣ Твер. лѣтописи вм. *Θеодоръ можайскый*, слѣдуетъ читать *Θеодоръ Моложьскый*.—Здѣсь же замѣтимъ, что въ 1371 г. Молога сожжена была Михаиломъ Тверскимъ, о чемъ мы уже говорили въ краткомъ вступленіи къ исторіи князей Мологскихъ. Мы не знаемъ, кто былъ Мологскимъ княземъ въ 1371 году, такъ какъ лѣтописныя извѣстія о Михаилѣ простираются только до 1362 г., а о Θеодорѣ начинаются лишь съ 1375 г. Впрочемъ, положительно извѣстно, что Молога была сожжена Тверскимъ княземъ, ибо Мологскій князь былъ на сторонѣ вел. кн. Московскаго. Въ договорной грамотѣ в. кн. Дмитрія Ивановича съ Михаиломъ Тверскимъ, относимой къ 1368 г., говорится: „А князи велици крестьяностии (?) и *Ярославъстии* съ нами одинъ человѣкъ, а ихъ ти (Михаилу) не обидети". С. г. г. и д. I, № 28.

(2) Карамз. V, 39. Объ его участіи въ Куликовской битвѣ обыкновенно заключаютъ изъ общей лѣтописной фразы, что въ походѣ Донскаго противъ Мамая были „вси князи." Не знаемъ, откуда С. С. (Серебрениковъ), авторъ статьи: «Историческій взглядъ на г. Мологу»(Яр. Губ. Вѣд. 1842, № 40) взялъ извѣстіе, что Θеодоръ Михайловичъ былъ въ походѣ на Новгородъ въ 1385 г. Правда, Карамз. (т. V, стр. 53) говоритъ, что на сторонѣ великаго князя между многочисленными городами стояла и Молога, но мы не знаемъ, откуда взялъ это и Карамзинъ, хотя, должны замѣтить, что у историка были такіе источники, которыми мы не можемъ теперь располагать.

(3) Тверск. 481.

ни, выданную въ іюнѣ 1397 г. въ замужество за кн. Александра Ивановича Тверскаго (1).

Дмитрій Θеодоровичъ *Перина.*

1408......

Опредѣлить старшинство сыновей Θеодора Михаиловича весьма трудно въ виду того, что родословныя несогласны между собою какъ относительно числа ихъ, такъ и ихъ порядка по старшинству. Постараемся, однако, насколько возможно, оріентироваться въ этомъ темномъ вопросѣ.

Въ виду того, что Семенъ и Иванъ имѣли волости, а потому и не могли занимать Мологи, остается, слѣдовательно, рѣшить вопросъ, кто изъ остающихся сыновей Θеодора Михайловича занималъ послѣ него Мологу—Василій или Дмитрій? Если Василій былъ старшимъ, каковымъ онъ является въ большинствѣ родословныхъ, то послѣ Θеодора Михайловича Мологскимъ княженіемъ владѣлъ онъ. Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ рѣшенія вопроса: когда умеръ Василій? Если Василій умеръ при жизни отца, то онъ не занималъ Мологи (а мы не знаемъ года смерти Василія). Такимъ образомъ остается считать за несомнѣнное, что Дмитрій Θеодоровичъ,—или непосредственно послѣ отца, или же послѣ Василія,—занималъ Мологскій столъ и былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Мологскихъ.*

Дмитрій Θеодоровичъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что у него былъ единственный сынъ Петръ, со смертью котораго прекратилась самостоятельность Мологскаго удѣльнаго княжества.

По присоединеніи къ Москвѣ, Молога оставалась въ составѣ великаго княжества до самыхъ первыхъ годовъ XV вѣка. Иванъ III Васильевичъ (†1505), въ своемъ духовномъ завѣщаніи, отдалъ одному изъ сыновей своихъ, Дмитрію *Жилкѣ*: Угличъ, Устюжну, Зубцовъ и другіе города, въ томъ числѣ и Мологу (2). По смерти же князя Дмитрія Ивановича Жилки Молога уже навсегда вошла въ составъ великаго княжества Московскаго.

аа) Удѣльные князья Мологскіе, не занимавшіе Мологи.

---

(1) П. С. Р. Л. V. VI, 130; VIII, 70.
(2) С. г. г. и д. I, № 144.

Иванъ Михайловичъ.

+ 1380

Прямыхъ указаній на то, какія вотчины получили въ удѣлъ младшіе сыновья Михаила Давидовича, Иванъ и Левъ, мы не имѣемъ (1). Впрочемъ, по имѣющимся даннымъ, можно утверждать, что они владѣли тѣми участками, которые потомъ передали своимъ сыновьямъ. Такъ, Глѣбъ Ивановичъ владѣлъ Шуморовымъ, которое несомнѣнно перешло къ нему отъ князя Ивана Михаиловича. Объ единственномъ сынѣ Льва Михайловича, Андреѣ, въ родословныхъ замѣчено, что онъ служилъ вел. кн. Тверскому Борису, «потому—прибавлено въ нѣкоторыхъ родословныхъ—вотчины отсталъ» (2), т. е. лишился, что совершенно вѣрно, такъ какъ онъ ушелъ въ землю совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго князя, не бывшаго подъ рукой великаго князя Московскаго.—Другой вопросъ—считать ли этихъ князей владѣтельными? Съ своей стороны, мы не видимъ никакихъ основаній, въ виду которыхъ нельзя было бы считать ихъ за князей владѣтельныхъ. Правда, они не носили прозвищъ по своимъ удѣламъ, не могли и чеканить монету (по бѣдности своихъ удѣловъ),—но что жъ изъ этого? Это значитъ только, что они, обладая правами князей владѣтельныхъ, не могли, впрочемъ, въ достаточной мѣрѣ ихъ проявить.

Объ Иванѣ Михайловичѣ намъ извѣстно только его участіе въ Куликовской битвѣ, въ которой онъ и палъ (3).

---

(1) Протоіерей Троицкій въ своей «Исторіи Мологской страны» совершенно неосновательно говоритъ, что Иванъ и Левъ не получили въ удѣлъ никакихъ отчинъ.

(2) Первая и вторая родословныя «Временника» стр. 61, 239.

(3) Ник. IV, 121. Иванъ Михайловичъ не названъ здѣсь Мологскимъ, но такъ какъ мы не знаемъ изъ русскихъ князей ни одного съ именемъ Ивана Михайловича, который подходилъ бы къ разсматриваемому времени, то и считаемъ его за кн. Мологскаго. Правда, есть одинъ князь Иванъ Михайловичъ и объ немъ мы и считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Въ той же Никоновой лѣтописи (III, 266) читаемъ, подъ 1396 годомъ: «Князь великій Витовтъ Литовскій казнилъ смертною казнію князя Івана Михаиловича и жену его и дѣти разведе, и домъ его разграби». Хмыровъ (№ 866) подъ этимъ княземъ разумѣетъ именно князя Мологскаго Ивана Михайловича. Кажется, совершенно излишне говорить о томъ, что ни Витовтъ не могъ попасть въ Мологу, ни Мологскій князь имѣть въ Литвѣ домъ. По нашему мнѣнію этотъ казненный Витовтомъ князь былъ никто иной, какъ Иванъ Михай-

По родословнымъ у князя Ивана Михайловича было три сына: Андрей, кн. *Мологскій*, поколѣніе котораго пресѣклось сыномъ его Семеномъ, инокомъ Троице-Сергіева монастыря (4); Глѣбъ, князь *Шуморовскій* (5), и Ѳеодоръ, прозваніемъ *Ушатый*, родоначальникъ угасшихъ князей *Ярославскихъ-Ушатыхъ*. Андрей и Ѳеодоръ, извѣстные намъ только по родословнымъ, должны считаться еще владѣтельными князьями; но дѣти ихъ едва-ли были владѣтельными. О сынѣ Андрея мы уже говорили. Что же касается князя Ѳеодора, то у него было шесть сыновей: Василій, прозваніемъ также *Ушатый*, Константинъ, Иванъ *Лапунъ*, Иванъ *Бородатый*, Юрій и Петръ. У старшаго изъ нихъ, у князя Василія, былъ, между прочимъ, сынъ, именовавшійся также Василіемъ, по прозванію *Чулокъ*, который служилъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ окольничихъ.

Левъ Михайловичъ.

† 1369.

Говоря объ Иванѣ Михайловичѣ, мы говорили вмѣстѣ съ тѣмъ и о младшемъ его братѣ кн. Львѣ Михайловичѣ. Здѣсь добавимъ только, что Левъ Михайловичъ упоминается въ лѣтописи всего одинъ разъ подъ 1369 годомъ, по случаю кончины его (6).

ловичъ кн. Вяземскій, сынъ Михаила Юрьевича, приходящагося праправнукомъ Андрею Владиміровичу *Долгой-рукѣ*, родоначальнику князей *Вяземскихъ*. Вообще всѣ указанія Хмырова касательно потомства князей Мологскихъ крайне сбивчивы, такъ: вторымъ сыномъ кн. Ивана Мологскаго (№ 866) онъ считаетъ, вѣроятно, по родословной Долгорукова (I, 144 № 107) Ѳеодора (такъ что выходитъ два Ѳеодора) кн. Шуморовскаго (Глѣба у Долгорукова совсѣмъ нѣтъ), а между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (подъ № 611-мъ у него же (у Хмырова) является и Глѣбъ Ивановичъ «первый удѣльный князь Шуморовскій.... средній изъ трехъ сыновей Ивана Михайловича, князя Мологскаго, подручника Литвы». Такимъ образомъ Иванъ Михайловичъ прямо уже называется у Хмырова подручникомъ Литвы. Вообще, нисколько не виня М. Д. Хмырова въ этихъ недосмотрахъ, а указывая только на трудность разобраться въ такомъ лабиринтѣ, каково родословіе русскихъ князей, отмѣтимъ кстати еще и слѣдующій промахъ Хмырова: въ біографіи Глѣба Ивановича, Хмыровъ въ примѣчаніи говоритъ, что въ родословной Долгорукова «князь этотъ названъ, *вмѣсто Глѣба, Ѳеодоромъ*».

(4) Первая родословная «Временника», 61.

(5) См. прим. выше.

(6) П. С. Р. Л. VIII, 16; Ник. IV, 23. Въ этой лѣтописи кн. Левъ Михайловичъ названъ *Любомъ* (въ первой—Левъ), оче-

У Льва Михайловича, по родословнымъ, былъ единственный сынъ Андрей, прозваніемъ *Дуло*, родоначальникъ князей *Дуловыхъ*, не бывшій уже удѣльнымъ княземъ (7).

Общее замѣчаніе относительно князей Мологскихъ.

Мы не говоримъ въ отдѣльности о тѣхъ изъ Мологскихъ князей, которые исключительно извѣстны по родословнымъ и о жизни которыхъ, собственно говоря, нечего и сказать. Все таки при ихъ отцахъ всѣ они нами упомянуты. Перейдемъ теперь къ тѣмъ Мологскимъ князьямъ, которые носили прозвища по своимъ удѣламъ и которые, слѣдовательно, рѣзче другихъ обособились отъ главнаго центра.

в) Князья Сицкіе.

XIV—XV в.

Какъ Ярославское княжество нѣкогда выдѣлило изъ себя княжество Мологское, такъ и это послѣднее, въ свою очередь, выдѣляло изъ себя болѣе мелкія удѣльныя княжества. Прежде всѣхъ (8) выдѣлилось изъ Мологскаго княжества, княжество Сицкое (или Ситцкое), такъ названное по волости на р. Сити, которою владѣли названные князья Сицкіе.

Первымъ княземъ Сицкимъ былъ сынъ втораго удѣльнаго князя Мологскаго Θеодора Михайловича, Семенъ.

Семенъ Θеодоровичъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что онъ имѣлъ двухъ сыновей: бездѣтнаго Бориса, убитаго въ битвѣ съ Казанцами въ 1445 г., при Суздальскомъ Спасо-Евθимьевомъ монастырѣ, и Петра. Потомство князей Сицкихъ пошло отъ Петра, правнукъ кото-

видно, по ошибкѣ. И въ той, и въ другой изъ указанныхъ лѣтописей онъ названъ Смоленскимъ, конечно, по происхожденію прадѣда его отъ Смоленскихъ князей. Собственно же Смоленскаго князя, прозывавшагося Львомъ, въ это время не было,—по крайней мѣрѣ, таковаго мы не видимъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ.

(7) Прот. Троицкій (Пам. кн. Ярославской губ. на 1862 г.) говоритъ, что сохранилось свѣдѣніе, по которому Андрей отъѣхалъ въ Тверь, потому, что не получилъ доли въ родовомъ удѣлѣ. Объ этомъ предметѣ см. въ біографіи кн. Ивана Михайловича.

(8) Собственно неизвѣстно, когда выдѣлились изъ Мологскаго княжества болѣе мелкіе удѣлы; но по старшинству князей, Сицкій удѣлъ долженъ быть впереди. Это замѣчаніе относится и къ другимъ мелкимъ княжествамъ, выдѣлившимся изъ Мологскаго.

раго, кн. Василій Андреевичъ, бояринъ и воевода (†1578, подъ стѣнами Вендена), былъ женатъ на Аннѣ Романовнѣ Юрьевой Захарьиной, сестрѣ супруги царя Іоанна Грознаго, царицы Анастасіи Романовны (1).

c) Князья Прозоровскіе.

XIV—XV в.

Вторымъ, по старшинству, изъ выдѣлившихся изъ Мологскаго княжества было княжество Прозоровское, названное такъ по главному центру своему, селенію Прозорову (2).

Первымъ удѣльнымъ княземъ Прозоровскимъ былъ одинъ изъ сыновей Θеодора Михайловича— Иванъ. Этотъ князь извѣстенъ намъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что онъ имѣлъ двухъ сыновей: Юрія и Андрея, бывшихъ еще удѣльными князьями. Они извѣстны также только по родословнымъ (3). Дѣти ихъ уже не были удѣльными князьями. Юрій имѣлъ двухъ сыновей: Θеодора, родоначальника угасшихъ князей *Судцкихъ*, и Андрея, прозваніемъ *Баклашку*. У брата

---

(1) Родословныя: «Временника» стр. 60; Бархатная книга I, 171; кн. П. В. Долгорукова, I, 144; «Русской Старины» (кн. Лобанова—Ростовскаго) I, 16. Долгоруковъ говоритъ, что Семенъ Θеодоровичъ, первый удѣльный князь Сицкій, былъ инокомъ (съ именемъ Серапіона), въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Неизвѣстно, однако, на чемъ основывается приведенное показаніе кн. Долгорукова. По Бархатной книгѣ инокомъ Серапіономъ былъ внукъ перваго князя Сицкаго именемъ также Семенъ Θеодоровичъ, сынъ кн. Θеодора Петровича *Криваго*.

(2) Теперь существуетъ два села Прозорова: Михайловское, при рѣчкѣ Редмѣ и ручьѣ Красномъ, и Рождествино (Рождественское у Прозорова), также при Редмѣ. Оба эти селенія—въ 60 верстахъ отъ г. Мологи. См. Списки населенныхъ мѣстъ Ярославская губ., ред. Артемьева, или «Историко-статистическій обзоръ Ростовско-Ярославской епархіи *Крылова*», стр. 473.

(3) Ник. IV, 98. Лѣтопись эта, перечисляя князей, участвовавшихъ въ походѣ на Донъ противъ Мамая, въ 1380 г., упоминаетъ и князей Прозоровскихъ, Андрея и Романа. Замѣтимъ, что намъ положительно ни откуда не извѣстно существованіе такихъ князей Андрея и Романа Прозоровскихъ, современныхъ Куликовской битвѣ. Впрочемъ, разсказъ Никоновской лѣтописи объ этомъ событіи заключаетъ въ себѣ много нелѣпостей, какъ напр., участіе въ этомъ походѣ какихъ-то баснословныхъ князей Цыдонскихъ и Каргопольскихъ.

Юрьева, Андрея, отъ котораго пошли князья *Прозоровскіе*, было три сына: Михаилъ, прозваніемъ *Лугвица*, Иванъ и Ѳеодоръ.

Потомство князей Прозоровскихъ въ мужскомъ колѣнѣ прекратилось въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Дочь фельдмаршала кн. Александра Александровича Прозоровскаго († 1809), княжна Анна Александровна, была въ супружествѣ за егермейстеромъ, кн. Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ. Сыну ихъ, генералъ-маіору кн. Александру Ѳеодоровичу Голицыну, 10 ноября 1854 г., Высочайше дозволено принять фамилію дѣда по матери и потомственно именоваться *княземъ Прозоровскимъ-Голицынымъ* (1).

d) Князья Шуморовскіе.

XIV—XV в.

Третьимъ и послѣднимъ удѣломъ, выдѣлившимся изъ Мологскаго княжества, былъ удѣлъ Шуморовскій, такъ названный по селенію Шуморову (2).

Первымъ княземъ Шуморовскимъ (3) былъ Глѣбъ Ивановичъ, средній сынъ Ивана Михайловича, князя Мологскаго († 1380). Глѣбъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что онъ имѣлъ четверыхъ сыновей, едва ли бывшихъ удѣльными: Бориса, родоначальника угасшихъ князей *Шуморовскихъ*; Семена, по прозванію *Хромаго*; Михаила, по прозванію *Шамина*, родоначальника угасшихъ князей *Шаминыхъ*, и Ивана, прозваніемъ *Гольцу*, родоначальника угасшихъ же князей *Гольцыныхъ*. О двухъ внукахъ третьяго Глѣбова сына, Михаила; Дмитріѣ Ивановичѣ и Романѣ въ родословныхъ («Временника») замѣчено, что они «оба сбѣжали въ Турки».

---

2. Новленскій удѣлъ.

Вторымъ, по времени, выдѣлился изъ Ярославскаго княжества Новленскій удѣлъ. Названіе свое онъ получилъ, ко-

(1) Родословная Долгорукова. I, 194.

(2) Село Шуморово при р. Волгѣ, рѣчкѣ Шуморѣ и о-рѣ Кругликѣ, въ 5 верстахъ отъ Мологи. См. *Артемьева* или *Крылова*.

(3) См. прим. выше.

нечно, отъ одного изъ селеній. Изъ исторіи основанія Успенскаго на р. Куштѣ монастыря видно, что удѣлы сыновей кн. Василія Васильевича лежали въ бассейнѣ р. Шексны и Кубенскаго озера. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ и теперь есть два селенія, носящихъ названія «Новленское» (1).

Первымъ Новленскимъ княземъ былъ третій сынъ кн. Василія Васильевича, Семенъ (1400—1440). О немъ дошло до насъ одно только не-лѣтописное, впрочемъ, извѣстіе, именно, что онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Дмитріемъ Заозерскимъ, помогъ препод. Александру, впослѣдствіи игумену Куштскому, основать церковь и монастырь на рѣкѣ Куштѣ, при впаденіи ея въ Кубенское озеро (2).

Отъ брака съ неизвѣстной Семенъ Васильевичъ имѣлъ единственнаго сына Даніила и дочь Анну († 1411), бывшую съ 1408 (по другимъ сп 1407 и 1409) въ замужествѣ за Яро-

---

(1) Сельцо Новленское при р. Согѣ, въ одной верстѣ отъ Пошехонья, и Новое или Новленское-село, въ 42 верстахъ отъ Пошехонья. См. Списки населен. мѣстъ Яросл. губ.—Укажемъ также еще на с. Новленское, Вологодскаго уѣзда, Сямской волости, нѣкогда торговое село, принадлежавшее Гошпитальной вотчинѣ и секундъ-маіору Петру Татищеву. *Щекатовъ*, IV, 705.—Указывая на эти селенія, какъ на лежавшія въ свое время въ удѣлахъ сыновей Василія Васильевича, мы, однако, воздерживаемся, по неимѣнію къ тому данныхъ, положительно признать то или другое изъ нихъ резиденціею кн. Новленскихъ.

(2) Преп. Александръ (†1439), постриженикъ Спасо-Каменнаго монастыря, что на Кубенскомъ озерѣ, переселился на р. Кушту съ р. Сенжемы. (Вологодской губ.). Построенный имъ на р. Куштѣ монастырь назывался Александровымъ Успенскимъ. Житія святаго Александра передаютъ, что княжна Марія, жена Дмитрія кн. Заозерскаго, принимала въ устроеніи обители самое дѣятельное участіе. Пожаръ 1519 г. совершенно истребилъ этотъ монастырь, но потомъ онъ опять былъ отстроенъ. Въ 1764 г. Александровъ-Успенскій монастырь былъ упраздненъ. Изъ монастырскихъ зданій осталась только Николаевская церковь, въ которой мощи преподобнаго Александра почиваютъ подъ спудомъ. См. *Амвросія* „Ист. Росс. Іер.“ III, 88; *Щекатова* «Геогр. Слов.», III, 1041; Прологъ и Чети-Минеи подъ 9-мъ іюня (день кончины преподобнаго); «Историческое и топографическое извѣстіе о г. Вологдѣ, 41; въ «Энцикл. лекс. русск. учен. и лит.», т. III, стр. 124 указывается еще на житіе преподобнаго Александра въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ библіотеки Царскаго, перешедшей къ графу А. С. Уварову.

славомъ Владиміровичемъ кн. Боровскимъ, сыномъ Владиміра Андреевича Хребраго, отличившагося въ битвѣ Куликовской (1).

Сынъ Семена Васильевича, Даніилъ, извѣстный намъ только по родословнымъ, былъ вторымъ и послѣднимъ Новленскимъ княземъ. У него былъ единственный сынъ, Иванъ *Юхотскій*, родоначальникъ угасшихъ князей *Юхотскихъ* (2).

---

3. Князья Заозерско-Кубенскіе.

Дмитрій Васильевичъ.

1420—1440.

Вѣроятно, одновременно съ Новленскимъ удѣломъ выдѣлился изъ Ярославскаго княжества и третій удѣлъ—Заозерскій. Онъ получилъ свое названіе отъ Заозерья, подъ каковымъ названіемъ были извѣстны земли, прилегавшія съ с.—в. и с.—з, къ Кубенскому озеру, какъ это видно изъ договорной (19 іюня 1447 г.) грамоты кн. Можайскаго, Михаила Андреевича, съ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ (3). Юго-восточная же часть Кубенскаго озера съ областью р. Кубены называлась Кубенью, по имени помянутой рѣки.

По берегамъ Кубенскаго озера расположено много селеній: Кубенское, Устье, Чириково и пр. Существуетъ даже преданіе, что при названномъ озерѣ былъ *Кубенскій-городъ*, основанный за долго до построенія Вологды (4). Преданіе это весь-

---

(1) По родословнымъ «Временника» Семенъ Дмитріевичъ Кубенскій женился на дочери кн. Ивана *Дья*, чему мы и слѣдуемъ. Долгоруковъ, напротивъ (I, 145), говоритъ, что Семенъ Дмитріевичъ Кубенскій женатъ былъ на Софіи, дочери Дмитрія Шемяки. По лѣтописямъ мы знаемъ, что Шемяка женился на дочери Дмитрія Васильевича. Какимъ же образомъ сынъ послѣдняго, Семенъ, могъ жениться на дочери своего зятя? См. прим. ниже.

(2) См. прим. выше 2-е въ № 12 Губ. Вѣд.

(3) Выходитъ такъ, какъ будто Иванъ Даниловичъ имѣлъ удѣлъ, и если владѣлъ имъ при жизни отца, то долженъ былъ-бы считаться нѣкоторое время удѣльнымъ княземъ. Дѣло въ томъ, что о правнукѣ его, именемъ также Иванѣ (сынѣ Дмитрія Өеодоровича), умершемъ бездѣтнымъ, въ родословныхъ сказано: «отъ того Юхоть и отошла», конечно уже, какъ выморочное владѣніе.

(4) С. г. г. и д. I, № 64. „А что мя (Михаила Андреевича) еси, Господине (Темный), пожаловалъ, далъ ми еси въ вотчину и

ма правдоподобно, если подъ городомъ разумѣть *городокъ, городецъ*, т. е. хотя и небольшое, но укрѣпленное поселеніе. Резиденцію перваго Заозерскаго князя и видятъ въ городкѣ, близъ устья р. Кубены, гдѣ нынѣ село Устье (въ 50-ти верстахъ отъ Вологды). Противъ села Ила при деревнѣ Чириковой до нынѣ стоитъ часовня: здѣсь, по преданію, были дворы и терема князей Заозерскихъ (5).

Первымъ Заозерскимъ княземъ былъ внукъ Василія Грознаго, четвертый сынъ кн. Василія Васильевича, Дмитрій.

О Дмитріѣ Васильевичѣ до насъ дошло мало извѣстій. Такъ извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Семеномъ Новленскимъ, помогъ препод. Александру основать монастырь на р. Куштѣ. Впрочемъ, житія преподобнаго первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ приписываютъ супругѣ Дмитрія Васильевича, которую называютъ Маріей (6). Затѣмъ, лѣтописи упоминаютъ о немъ только разъ, по поводу выхода его дочери за Дмитрія Юрьевича Шемяку. Зимой 1436 года, готовясь вступить въ бракъ съ дочерью Дмитрія Васильевича, которую новѣйшія родословныя называютъ Софіей (7), Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать на свою свадьбу (она должна была состояться въ Угличѣ) вел. кн. Василія Васильевича. Въ это самое время Василій Васильевичъ готовился къ походу противъ брата Шемяки, Василія Косаго. Великій князь, не безъ нѣкотораго основанія подозрѣвая участіе своего двоюроднаго брата въ замыслахъ Косаго, приказалъ арестовать Юрьевича и до времени отправить его въ Коломну (8). Впрочемъ, бракъ Шемяки съ кн. Заозерской все же состоялся спустя нѣкоторое время (9).

Какъ выше упоминалось, Дмитрій Васильевичъ былъ женатъ на Маріи, извѣстной намъ только по имени. Отъ этого брака, по родословнымъ, у него были сыновья: Андрей, назы-

---

въ удѣлъ половину Заозерья, отчины заозерскихъ князей половина ...... да ктой половинѣ придалъ ми еси, Господине, и съ своее половины того жо Заозерья сто деревень; а что, Господине, Кубена на сей сторонѣ, и противу, Господине, половины Кубен - велѣти ти, Господине, мнѣ отписати *Заозерьскихъ деревень* по пригожу, вмѣсто половины Кубены исъ своее половины....... *та сторона, которая пришла къ моей отчинѣ, къ Бѣлу озеру...*"

(5) Щекатовъ, III, 946.

(6) См. статью *С. С.*: «Заозерское княжество», въ Яросл. Губ Вѣд. 1843 г. № 3.

(7) См. прим. выше о преп. Александрѣ.

(8) П. С. Р. Л. V, 266; VI, 150; VIII, 99; Ник. V, 120.

(9) Ibid. VII, 238.

ваемый въ родословныхъ княземъ Заозерскимъ; Семенъ, первый удѣльный князь Кубенскій, и дочь Софія, бывшая въ замужествѣ за Дмитріемъ Шемякой. По нѣкоторымъ родословнымъ (Временникъ) у кн. Дмитрія Васильевича былъ еще одинъ сынъ Өеодоръ, котораго считаютъ старшимъ и бездѣтнымъ, какъ и Андрея.

Такъ какъ о Өеодорѣ не всѣ родословныя упоминаютъ, то надобно полагать, что онъ умеръ въ младенчествѣ. Что же касается Андрея, то о немъ дошли до насъ слѣдующія, впрочемъ не лѣтописныя, извѣстія. Въ 1452 г., Андрей, по однимъ извѣстіямъ—12-ти, по другимъ—20-ти лѣтній, пришелъ въ Спасокаменный монастырь (на Кубенскомъ озерѣ) къ игумену Кассіану, постригся въ монахи подъ именемъ Іоасафа и, спустя пять лѣтъ по постриженіи, скончался. Мощи его были положены въ монастырской Успенской церкви. Послѣ пожара 1472 г. сентября 3-го, когда сгорѣлъ Спасокаменный монастырь, остатки мощей были вложены старцемъ Мартиніаномъ въ ковчегъ и положены подъ престолъ; впослѣдствіи часть ихъ задѣлана была въ обложенный серебромъ трипядный крестъ, а въ 1650 г. іюня 1-го, по благословенію архіепископа Вологодскаго и Великопермскаго Маркела, мощи преподобнаго князя положены были въ раку и поставлены въ соборной Преображенской церкви у южныхъ вратъ (на ракѣ положенъ былъ и крестъ съ мощами). Послѣ уничтоженія монастыря пожаромъ въ 1773 г. мощи св. кн. Іоасафа перенесены были въ Вологду, въ Духовъ монастырь, который съ этого времени и сталъ именоваться, въ память погорѣвшаго, Спасокаменнымъ (1).

Мы съ намѣреніемъ подробно привели дошедшія до насъ свѣдѣнія объ Андреѣ Дмитріевичѣ, чтобы показать, насколько *неосновательны* тѣ родословныя, которыя говорятъ, что Андрей былъ женатъ на дочери Ивана Дѣя, за которой въ приданое, получилъ Кубену (2). Надобно полагать, что родословныя смѣшали здѣсь Андрея съ братомъ его, кн. Семеномъ.

---

(1) Ист. Росс. іер. *Амвросія*, IV, 331; Истор. и топогр. изв. о г. Вологдѣ, 64; «Житіе и подвизи препод. отца нашего князя Іоасафа, Каменскаго чудотворца» находится въ рукописи Московскаго архива Министерства Иностр. Дѣлъ, послужившей варіантомъ при изданіи лѣтописи по Воскресенскому списку (П. С. Р. Л. VII. стр. IX). См. также Вологодскія Епарх. Вѣд. 1885 г., № 6.

(2) См. прим. ниже. Нѣкоторыя родословныя вм. Андрея дають Дмитрію Васильевичу сына Іоасафа. Не было ли у Дмитрія въ отдѣльности и Андрея, и Іоасафа? Въ такомъ случаѣ можно было-бы послѣдняго считать постриженикомъ Спасокамен-

Семенъ Дмитріевичъ.

Половина XV в.

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣленія годовъ кончины какъ Дмитрія Васильевича, такъ и сына его Семена Дмитріевича,—а потому не можемъ сказать, владѣлъ ли Семенъ Дмитріевичъ Заозерьемъ преемственно послѣ Дмитрія Васильевича или же обладалъ только одной Кубеной. Равнымъ образомъ не знаемъ и того, какъ присоединены были къ Москвѣ Заозерье и Кубена: въ разное ли время, или же одновременно? Извѣстно только одно, что какъ Заозерье, такъ и Кубена присоединены были къ Московскому княжеству до 1447 года. Изъ договора Михаила Андреевича кн. Можайскаго, съ Василіемъ Темнымъ видно, что великій князь еще до 1447 года далъ по половинѣ Заозерья и Кубены кн. Можайскому, оставивъ остальныя двѣ половины за собой (3). Въ частности же, относительно Кубены замѣтимъ, что она прежде была во владѣніи потомковъ Романа Васильевича: по нѣкоторымъ родословнымъ, какъ мы уже замѣтили раньше, Семенъ Дмитріевичъ получилъ Кубену вмѣстѣ съ рукой правнуки Романа, дочери кн. Ивана Дмитріевича Дѣя (4).

наго монастыря, а перваго—мірскимъ человѣкомъ, который въ такомъ случаѣ могъ быть и женатымъ. Но и предположенія, въ родѣ сей-часъ высказаннаго, должны имѣть хоть какія—нибудь положительныя основанія,—а ихъ то и нѣтъ.

(3) Собр. госуд. грам. и догов. I, № 64.

(4) Въ родословныхъ «Временника», стр. 57, 149, 234, сказано: «а женился князь Семенъ у князя Ивана у Дѣя и взялъ Кубену въ приданые, а у него взялъ Кубену князь великій». Напрасно, поэтому, М. Д. Хмыровъ (№ 315 утверждаетъ, что Андрей Дмитріевичъ, старшій братъ Семена, «по *единогласному* свидѣтельству *всѣхъ* родословныхъ, былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Ивановнѣ Дѣевой» —Трудно сказать, какимъ образомъ досталась Кубена Ивану Дѣю: получилъ ли ее Романъ Васильевичъ, основатель г. Романова, или она пріобрѣтена какимъ—нибудь образомъ (напр. посредствомъ брака, такъ же, какъ она досталась, въ свою очередь, и Семену Заозерскому) его потомками? Послѣдніе въ области Кубенскаго озера владѣли еще Бохтюжской волостью, на р. Бохтюгѣ, впадающей въ Рабанскую Сухону. Нѣкоторые,—кажется, совершенно неосновательно,—производятъ отсюда (какъ отъ Тюменя—Тюменскихъ) князей Бохтюжскихъ. См. Списки населенныхъ мѣстъ Яросл. губерніи. Ред. *Огородникова*; Энцикл.

Отъ брака съ кн. Дѣевой Семенъ Дмитріевичъ имѣлъ двухъ сыновей: Ивана большаго и Ивана меньшаго, прозваніемъ *Шолуху*, умершаго бездѣтнымъ. Чрезъ старшаго сына своего Семенъ Дмитріевичъ былъ въ свойствѣ съ великокняжескимъ Московскимъ домомъ, такъ какъ Иванъ Семеновичъ большой былъ женатъ на дочери Андрея Васильевича, князя Углицкаго.--Семенъ Дмитріевичъ считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Кубенскихъ*. Дѣти его, конечно, не были уже удѣльными князьями: Иванъ большой Семеновичъ былъ при Иванѣ III Васильевичѣ въ окольничихъ, а сыновья его—боярами при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ (5).

лекс. Плюшара, VI, 474. Послѣдняя статья принадлежитъ извѣстному Языкову, который, стараясь доказать существованіе князей Бохтюжскихъ, въ концѣ своей статьи все же говоритъ: «Какъ о Бохтюжскихъ князьяхъ *нигдѣ не говорится* (курсивъ нашъ), то полагать должно, что они писались Дѣевыми и Кубенскими, потому что Дѣевы владѣли также и Кубеною». Языковъ полагаетъ даже, что правнукъ Ивана Дмитріевича *Дѣя*, Юрій Ивановичъ, по прозванію *Мартынъ*, былъ первымъ удѣльнымъ княземъ Бохтюжскимъ. Но правнукъ Ивана *Дѣя* жилъ въ такое время, когда какихъ бы то ни было Заозерско-Кубенскихъ князей, какъ удѣльныхъ, т. е. самостоятельныхъ, владѣтельныхъ и въ поминѣ уже не было. Правда, они владѣли отчинами, но уже не какъ удѣльные. Тѣ вкладныя грамоты Юрія Ивановича *Мартына* и сына его Семена (Акты Юрид. № 120, и въ Ист. Росс. Іер. III, 701—707), данныя ими Глушицкому на рѣчкѣ Воржѣ монастырю, нисколько не говорятъ о самостоятельности этихъ князей, въ смыслѣ удѣльныхъ. Вел. кн. Василій Васильевичъ въ своей духовной отдаетъ Вологду съ Кубеной и Заозерьемъ, а слѣд. и Бохтюжскую волость, сыну своему Андрею меньшему; этотъ послѣдній (†1481) отдалъ Вологду, Заозерье, Кубену и Бохтюгу (упомянута отдѣльно) брату своему, Ивану III Васильевичу (С. г. г. и д. I, №№ 86—87 и 112). Ср. прим. выше въ біографіи кн. Дмитрія Васильевича Заозерскаго.

(5) Барх. книга I, 122 и др. новѣйшія родословныя, относительно брака Ивана большаго Семеновича, несогласны между собою: по однимъ изъ нихъ (Головинъ) этотъ кн. Иванъ былъ женатъ на Ульянѣ, дочери Андрея большаго Васильевича, кн. Углицкаго; по другимъ (Лобановская, изд. «Русск. Старины»)—княжна Углицкая, неизвѣстная по имени, была за Андреемъ Дмитріевичемъ, кн. Курбскимъ (1470—1512), воеводой московскимъ. Эта кн. Углицкая должна быть дочь того же князя Андрея большаго Васильевича (р. 1446†1494), такъ какъ слѣдующій за нимъ Углицкій князь, Димитрій Ивановичъ *Жилка* (р. 1482†1521), женатъ не былъ. Но у кн. Андрея Васильевича была еще и другая дочь, ко-

Выше мы сказали, что Заозерье и Кубена перешли къ великому князю еще до 1447 года. Заключить это можно изъ того, что Василій Темный далъ по половинѣ Кубены и Заозерья кн. Верейскому Михаилу Андреевичу; послѣдній, въ 1447 г., просилъ великаго князя (чтобы избѣжать въ своихъ владѣніяхъ черезполосицы): вмѣсто половины Кубены «отписати заозерьскихъ деревень по-пригожу... отписати.... та сторона, которая пришла къ моей (Михаила Андреевича) отчинѣ, къ Бѣлуозеру». Въ сентябрѣ же 6956 (1448) года Темный заключилъ договоръ съ братомъ Михаила, Иваномъ Андреевичемъ кн. Можайскимъ, изъ котораго видно, что Василій Васильевичъ далъ Можайскому князю Бѣжецкій верхъ «да половину Заозерья Кубенскихъ князей» (6). Иванъ Можайскій владѣлъ половиной Заозерья до самаго своего бѣгства въ Литву, въ 1454 году. Между тѣмъ та половина Заозерья, которой владѣлъ братъ его, Михаилъ Верейскій, перешла неизвѣстно какимъ путемъ опять во владѣніе великаго князя Московскаго. Переходъ Заозерья обратно къ великому князю совершился до 1450 года, потому что въ относящейся къ этому году договорной грамотѣ (7) Василія Темнаго съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ въ числѣ волостей послѣдняго Заозерье уже не упоминается. Впрочемъ, Василій Темный пожаловалъ въ это время Михаила другими волостями: Плѣскомъ, Смоляными, Сохною, Зарадыльемъ и пр. Можетъ быть эти волости даны были Михаилу великимъ княземъ въ замѣнъ Заозерья по особому договору, который не дошелъ до насъ. Въ своей духовной гра-

---

торая именно и была за кн. Иваномъ Семеновичемъ Кубенскимъ. М. Дм. Хмыровъ путаетъ этихъ княженъ Углицкихъ (№№ 301 и 760): въ одномъ случаѣ онъ говоритъ, что у Андрея Углицкаго было двѣ дочери, изъ которыхъ старшая Ульяна была за кн. Андреемъ Дмитріевичемъ Курбскимъ, а вторая, Евдокія (въ иночествѣ Елена), за кн. Иваномъ большимъ Семеновичемъ Кубенскимъ; въ другомъ же случаѣ, супругою кн. Андрея Курбскаго онъ считаетъ дочь Андрея Углицкаго, *неизвѣстную* по имени,— а другую дочь этого князя, Ульяну, считаетъ женой князя Ивана Семеновича Кубенскаго. Родосл. «Временника» (стр. 148) называетъ Андрея Курбскаго «зятемъ кн. Андрея Углицкаго». Несомнѣннымъ можно считать только то, что одна изъ дочерей Андрея Углицкаго была за Иваномъ Кубенскимъ, а другая—за Андреемъ Курбскимъ.

(6) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ I, №№ 64 и 66.

(7) Ibid. № 75.

мотѣ (1) Василій Васильевичъ даетъ (1462 г.) сыну своему, Андрею меньшему, Вологду съ Кубеной и Заозерьемъ. Андрей, въ свою очередь, по своей духовной (2), писанной около 1481 года, отказалъ эти волости старшему своему брату, в. кн. Ивану Васильевичу, за которымъ онѣ оставались до самой кончины его (3). Иванъ Васильевичъ, въ числѣ прочихъ многочисленныхъ городовъ, завѣщалъ старшему сыну своему Василью и Кубену съ Заозерьемъ, (4) и такимъ образомъ эти послѣднія уже навсегда слились съ великимъ княжествомъ Московскимъ.

4. Курбскій удѣлъ.

Позднѣе другихъ изъ Ярославскаго княжества выдѣлились удѣлы: Курбскій, Шехонскій и Ухорскій.

Курбскій удѣлъ получилъ названіе отъ главнаго селенія своего—Курбы (5).

Относительно того, кто былъ первымъ удѣльнымъ княземъ Курбскимъ, родословныя не согласны: большинство старыхъ родословныхъ (а новѣйшія, кажется, безъ исключенія, всѣ) считаютъ первымъ Курбскимъ княземъ Семена Ивановича, сына Ивана большаго Васильевича, кн. Ярославскаго, внука Василія *Грознаго*. Но нѣкоторыя изъ родословныхъ считаютъ Курбскимъ княземъ и брата Семенова, Якова-Воина, а такъ

(1) Ibid. № 86.

(2) Ibid. № 112.

(3) Изъ договоровъ Ивана III съ братьями: Борисомъ—(20 августа 1486 г.) и Андреемъ большимъ—(30 ноября того же года), видно, что эти волости принадлежали великому князю. Ibid. №№ 123—126.

(4) Ibid. № 144.

(5) Курба—теперь село на р. Курбицѣ, въ 25 верстахъ отъ Ярославля. См. «Ярославскій уѣздъ», *А. А. Титова*, стр. 119 (Москва, 1883). И до настоящаго времени Курба считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ селъ Ярославской губерніи. Родословная Долгорукова (I, 145, № 126) считаетъ Якова—Воина просто кн. Ярославскимъ, а первымъ княземъ Курбскимъ—брата его, кн. Семена; точно также и родословная, изд. «Русск. Стар.» (I, 18). Въ родословныхъ «Временника» (стр. 55, 147) про Якова-Воина говорится, что «удѣлъ его былъ Курба». Семенъ также называется въ этихъ родословныхъ кн. Курбскимъ. Вѣроятно это обстоятельство спутало М. Д. Хмырова, который въ одномъ мѣстѣ считаетъ первымъ удѣльнымъ княземъ Курбскимъ Якова—Воина (№ 566), а въ другомъ—брата его, Семена (№ 693).

какъ послѣдній былъ старше Семена, то по этимъ родословнымъ и слѣдуетъ признавать Якова за перваго удѣльнаго князя Курбскаго (1). Впрочемъ, эти противорѣчія родословныхъ, намъ кажется, можно легко примирить. Яковъ-Воинъ Ивановичъ, павшій, по родословнымъ, въ битвѣ съ казанцами на Арскомъ полѣ въ 1455 году, могъ владѣть Курбой прежде Семена, какъ старшій. Но онъ умеръ бездѣтнымъ; родъ же князей Курбскихъ продолжился чрезъ потомковъ Семена, а потому послѣдній и долженъ считаться первымъ удѣльнымъ княземъ Курбскимъ, т. е., первымъ въ смыслѣ родоначальника угасшихъ князей *Курбскихъ*.

Кн. Семена Ивановича мы знаемъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что онъ имѣлъ двухъ сыновей, не бывшихъ уже удѣльными князьями, именно: Ѳеодора и Дмитрія, изъ которыхъ первый былъ Нижегородскимъ воеводой (1483 г.). Его сыновья: Михаилъ *Карамышъ* (1497—1506), Семенъ (1515 † 1527) и Романъ (1501—1506), были Московскими воеводами; изъ нихъ старшій и младшій были убиты подъ Казанью. Извѣстный въ нашей исторіи кн. Андрей Михайловичъ Курбскій, бѣжавшій отъ Ивана Грознаго въ Литву, былъ внукъ кн. Михаила Ѳеодоровича *Карамыша*. Дѣти Ѳеодорова брата, кн. Дмитрія: Андрей (1470—1512) и Александръ (1514 † 1522), были также воеводами; умерли они, не оставивъ потомства. Изъ нихъ Андрей былъ женатъ на дочери Андрея Васильевича *Горяя*, кн. Углицкаго (2).

---

5. Шехонскій удѣлъ.

Аѳанасій—Андрей Ивановичъ.

Средина XV в.

Въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили, что Романъ Васильевичъ, младшій изъ сыновей Василія Грознаго, получилъ во владѣніе не только земли, лежащія въ той части теченія Волги, гдѣ имъ былъ основанъ Романовъ, но и земли на р. Шекснѣ. Эти послѣднія достались внуку его, младшему сыну Ивана Романовича, Аѳанасію—Андрею Ивановичу. По рѣкѣ Шек-

(1) См. предъидущее примѣчаніе.

(2) См. родословную, изд. «Русской Старины», и др. Ср. также прим. къ біографіи кн. Семена Дмитріевича Кубенскаго.

снѣ удѣлъ назывался Шехонскимъ, а отсюда и князья, владѣвшіе имъ, получили прозваніе кн. Шехонскихъ. Существующее и теперь въ Мологскомъ уѣздѣ при р. Шекснѣ село Княжичъ-городокъ (1) своимъ названіемъ заставляетъ предполагать, что здѣсь была столица удѣльныхъ князей Шехонскихъ.

Аѳанасій—Андрей Ивановичъ извѣстенъ намъ только по родословнымъ и по одному оффиціальному документу, изъ котораго видно, что онъ, будучи родоначальникомъ князей *Шехонскихъ*, былъ женатъ на Аграфенѣ, извѣстной только по имени, отъ брака съ которой оставилъ сыновей Семена и Василія (2).

Семенъ и Василій Аѳанасьевичи.

Средина XV в.

Семенъ и Василій Аѳанасьевичи, какъ кажется, сообща владѣли Шехонскимъ удѣломъ, сообща же они и продали его

---

(1) Странно, что въ „Историко-статистическомъ обзорѣ Рост.-Яросл. епархіи“ *Крылова* Княжичъ—городокъ названъ селомъ (стр. 487), а въ «Спискахъ насел. мѣстъ. Яросл. губ.“—деревней.— Кстати замѣтимъ, что на предстоящемъ VII Археологическомъ Съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе Съѣзда, есть одинъ, посвященный именно вопросу о Княжичъ—городкѣ.

(2) Одна изъ данныхъ на монастырекъ св. Николая на Шекснѣ начинается такъ: «Се язъ (мы раскрываемъ титла) княгини Огрофена княжа Афанасьева Ивановича съ своими дѣтми, со княземъ Семеномъ да со княземъ Васильемъ дали есмы въ домъ святѣй Тро(и)цы в Сергѣевъ монастырь игумену Зиновью... въ своей отчинѣ на Шохъстнѣ монастырекъ святого Николу... внизъ по Шохстнѣ по Криничища, а вверхъ по Шохстнѣ по Обакумовскую землю, да вверхъ по Шохстнѣ пустошь Голузино да Нахта.... тѣмъ землямъ отъ вотчины отъ княжи Ивановы Андреевича по рѣку по Пушму.... волно ловити.... всякою ловлею и въ Шекстнѣ и въ Волзѣ».... Акты, относ. до юридич. быта древн. Росс. I, 63 №, VII. Географическими данными этого документа до нѣкоторой степени опредѣляются объемъ и границы Шехонскаго удѣла. Упоминаемый въ этой данной князь Иванъ Андреевичъ не есть ли князь Можайскій, который, до бѣгства въ Литву, владѣлъ, между прочимъ, и частью Заозерья? Въ такомъ случаѣ надобно полагать, что Шехонскій удѣлъ тянулся вверхъ по Шекснѣ отъ устья ея, и въ верхнемъ теченіи ея уклонялся къ с.—в., къ Заозерью.

женѣ вел. кн. Василія Васильевича Темнаго, Марьѣ Ярославнѣ, еще до 1462 года. По крайней мѣрѣ, Василій Темный уже говоритъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи (1) объ удѣлѣ Шехонскомъ въ такихъ словахъ: «А что еѣ (его жены) купля...... усть Шокъстны, что собѣ купила у князя у Семена и у князя у Василья у Шохонскихъ, ино то еѣ и есть».

Такимъ образомъ съ дѣтьми кн. Аѳанасія Ивановича прекратилось самостоятельное существованіе Шехонскаго удѣла и князья его перестали быть владѣтельными удѣльными князьями.

---

6. Ухорскій удѣлъ.

Ухорскій удѣлъ, а равно и удѣльные его князья получили названіе свое отъ владѣній, расположенныхъ по теченію рѣки Ухры (2). Первымъ и послѣднимъ Ухорскимъ княземъ былъ младшій сынъ Даніила Романовича—Василій, правнукъ Василія *Грознаго*, извѣстный намъ только по родословнымъ. Изъ пятерыхъ его сыновей двое были родоначальниками слѣдующимъ княжескихъ родовъ: второй сынъ его Ѳеодоръ *Охлябина* былъ родоначальникомъ князей *Охлябининыхъ*, а младшій, Михаилъ *Хворостина*—угасшихъ князей *Хворостининыхъ*.

---

(1) Собраніе госуд. грам. и догов. I, № 86—87.

(2) Рѣка Ухра, протекая по уѣздамъ Даниловскому, Романово-Борисоглѣбскому и Рыбинскому, впадаетъ въ Шексну.

Извлечено изъ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Печатано съ разрѣшенія г. Ярославскаго Губернатора.

1887 г. Типографія Губернскаго Правленія.

2007059077